

На правах рукописи

Какваева Сабрина Бастаминовна

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА
И ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(кавказские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

НАЛЬЧИК
2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Дагестанский государственный университет»

Научный консультант: **Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической и
прикладной лингвистики ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Магомедов Магомед Ибрагимович,**
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела грамматических
исследований ФГБУН Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН

Муталов Расул Османович,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела кавказских
языков ФГБУН Институт языкознания РАН

Махмудова Светлана Мусаевна,
доктор филологических наук, профессор,
и.о. директора института «Иностранные языки,
современные коммуникации и управление»
ФГБОУ ВО «Московский государственный пси-
холого-педагогический университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»**

Защита диссертации состоится 16 июня 2022 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.076.05 в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173, диссертационный зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке КБГУ по адресу: 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173 и на сайте государственного университета: <http://www.kbsu.ru>, а также на сайте ВАК Минобрнауки РФ: <http://www.vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан « 14 » марта 2022 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Т.А. Чепракова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу семантико-синтаксических особенностей глагола и глагольных конструкций в лакском языке.

Проблемы грамматических особенностей кавказских языков, в том числе и лакского языка, являются предметом внимания исследователей на протяжении длительного времени, однако их интенсивное изучение началось в 50-60-е гг. XX века.

Теоретическое осмысление грамматических особенностей дагестанских языков, их описание было осуществлено в трудах Л.И. Жиркова [1924, 1930, 1935, 1941, 1955], А.А. Бокарева [1949, 1961], С.Н. Абдуллаева [1954], Г.В. Топуриа [1959], У.А. Мейлановой [1960], М.М. Гаджиева [1963], Б.Г.-К. Ханмагомедова [1970], Г.А.Климова [1961, 1986], С.М. Гасанова [1961], А.Е. Кибрика [1970, 1977, 1981], Г.Б. Муркелинского [1971], И.Х. Абдуллаева [1974], С.М. Хайдакова [1975, 1980], А.Е. Кибрика, С.В. Коздасова [1988], М.Е.Алексеева [1980, 1985, 1988], М.А. Кумахова [1984], Г.И. Мадиева [1981], З.Г. Муркелинской [1980], Р.И. Гайдарова [1982], В.И. Кикилашвили [1986] и других лингвистов.

Степень научной разработанности проблемы. Первая описательная грамматика лакского языка была составлена П.К. Усларом в 1869 году. В ней ключевое место занимают морфологические аспекты. Что касается синтаксиса, ученым затронуты только субъектно-объектные отношения. П.К. Услар при описании чеченского языка, некоторых дагестанских языков отмечает, что в них «нет глаголов действительных, а одни лишь страдательные: предмет действующий ставится в падеже творительном (*instructive, aktiv*), а предмет, на который обращено действие, – в *именительном*. В лакском языке не только нет падежа винительного, но даже и нет особой формы для означения падежа творительного (*instructive, aktiv*). Если действуют 1-е или 2-е лицо, то предмет действующий отличается от предмета, на который обращено действие, только тем, что располагается впереди: оба ставятся в *именительном падеже*» [Услар 1890: 141]. Первая грамматика на лакском языке была создана известным просветителем А. Каяевым в 30-х годах XX века (издана в 2009).

В разные периоды вклад в изучение и описание лакского языка внесли Л.И. Жирков [1955], З.Г. Абдуллаев [1974], И.Х. Абдуллаев [1974, 2003], Г.Т. Бурчуладзе [1979, 1986, 1987, 1993], Ф.А. Гайдарова [1973, 1977], Л.И. Жирков [1955], А.Е. Кибрик [1979], А.А. Магомедов [1987], Г.Б. Муркелинский [1971], З.И. Сулейманова [1973], П.А. Сулейманова [1989], В.Т. Топуриа [1964, 1977, 1988], С.М. Хайдаков [1964, 1975], И.И. Церцвадзе [1968], Р.Г. Эльдарова [1993, 1995, 1997, 1998, 2000] и другие ученые. Ими разработаны различные аспекты грамматики лакского языка. Отдельные вопросы лакского языка исследуются и современными учеными. Однако описательной грамматики лакского языка, соответствующей современному уровню развития лингвистической науки, ещё нет. Особого внимания требует изучение синтаксиса, в котором тесно переплетается и с которым взаимодействует семантика. Этим

вопросам определённое внимание уделяется в последние десятилетия. В частности глагольные словосочетания в лакском языке рассмотрены П.А. Сулеймановой [1992], структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке подробно описаны в монографии Ж.Д. Башировой [2011], словосочетания лакского языка – в работе К.И. Казенина [2013].

Необходимой предпосылкой при изучении глагола являются прежде всего исследования по семантике, так как изменение значения глагола отражается на его актантной структуре, модели управления. В этом ракурсе интерес представляет работа П.А. Магомедовой «Семантика и синтаксис аварского глагола» [2006]. В ней глагольная лексика описана в рамках авторской методики, основанной с точки зрения семантического подхода, итогом которой стал валентностный словарь [Магомедова 2006]. Актуальность создания такого лексикографического труда обусловлена отсутствием толкового словаря аварского языка, а также тем, что глаголу в дагестанских языках присуща развитая семантическая деривация и омонимия.

Глагольное значение является ключевым и для лакского языка. Поскольку именно глагол (шире – предикат) признается конструктивным центром пропозиции. В лакском языке семантика в сфере глагольной лексики играет существенную роль – отдельные семантические зоны грамматикализируются: категория эвиденциальности, фазовости, залоговости, взаимодействующие с падежом и получающие морфосинтаксический способ выражения.

Исследования по семантике затрудняются и отсутствием чётких правил лексикографии в практике составления национально-русских словарей. Первый опыт составления лакско-русского словаря принадлежит П.К. Услару. В работе «Лакский язык» [1890] дан «Сборник лакских слов», в котором содержится около 970 заглавных слов. Значительным явлением в лакской лексикографии стал толково-энциклопедический словарь, составленный в 20-30-х годах XX века А. Каяевым и изданный в 2006 году. Большое значение и для развития лакского языка, лакской лексикографии и национальной культуры имел вышедший в 1962 году «Лакско-русский словарь», в котором 13000 слов [Хайдаков 1962]. С учётом опыта П.К. Услара автором разработаны основные правила лексикографирования словарных единиц лакского языка, в том числе и глагольной лексики. Более полный словарь, включающий около 30 тысяч единиц, составлен И.Х. Абдуллаевым [2018]. Однако актуальными остаются проблемы разграничения, с одной стороны, полисемии и омонимии, а с другой – сложного слова и словосочетания, поскольку аналитизм является одной из характерных черт лакского языка, как в формообразовании, так и в словообразовании. В связи с развитой системой трансформаций простого предложения при порождении сложных конструкций требует исследовательского внимания и проблема разграничения словосочетания и предложения.

В контексте темы настоящей диссертации следует отметить, что, безусловно, на исследование глагола лакского языка оказали влияние следующие работы: «Глагол в кавказских языках. Эргативная конструкция предло-

жения» А. Дирра [1950], «Глагол» И.И. Мещанинова [1948], «Лакский язык. Фонетика и морфология» Л.И. Жиркова [1955] и др. Значительное внимание семантике глагола и падежному управлению (падежному кодированию актантов предиката) уделил и Е.А. Кибрик, именно он определил дагестанские языки как «семантически эргативные» [Кибрик 1992: 203].

Что касается глагола лакского языка, история становления личного спряжения глагола рассмотрена в работах Г.Т. Бурчуладзе [1979, 1987], грамматические категории и формы лакского глагола описаны Р.Г. Эльдаровой [1995], вопросы глагольного словообразования – И.Х. Абдуллаевым [1980], А.А. Акуевой [2006], З.Г. Курбановой [2007], С.Э. Шамсудиновой [2008], Э.К. Магомедовой [2009], Л.Т. Каллаевой [2015], семантика и синтаксические связи глагола – Ж.Д. Башировой [2011], К.И. Казениным [2013], глагольные словосочетания – П.А. Сулеймановой [1992], в частности среди глагольных словосочетаний выделена группа предикативных словосочетаний, к которым отнесены сочетания глаголов с именами в субъектном значении: а) сочетания переходных глаголов с именами в форме эргатива, датива и аблатива; б) непереходные глаголы с именами в форме номинатива. Это те падежи, которые традиционно в школьной грамматике считаются падежами подлежащего. Заслугой П.А. Сулеймановой можно считать стремление систематизировать семантику падежей в глагольно-именных словосочетаниях. Но в некоторых случаях в разряд объектных попадают и субъектные значения, например, в предложении *Танан уссий язухъ хъанай бия* ‘Ему жалко было брата’ [Сулейманова 1989: 42].

Однако, на наш взгляд, некоторые аспекты глагола лакского языка остаются вне поля зрения лингвистов, в частности нет монографических исследований семантики глагола в его связях как с морфологией, так и с синтаксисом, а также семантики падежей и их роли в семантической деривации глагольной лексики. Кроме того, недостаточно разработаны вопросы разграничения аналитических форм, аналитических морфологических категорий, лексикализованных глагольных сочетаний и влияния таких конструкций на оформление синтаксических отношений внутри элементарного предложения, что обуславливает **актуальность** темы настоящего диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются лексико-семантическая структура, функционально-синтаксические особенности глаголов лакского языка, а также синтаксические типы предложений с учётом семантики глаголов и их лексико-словообразовательных возможностей, **предметом** – семантические типы (классы) глагольных лексем, дифференцированно представляющие концептосферу лакского языка как единое пространство, в структурировании которого участвуют лексика, словообразование (в том числе и аналитическое), морфологические категории и падежная семантика.

Цель работы заключается в выявлении, описании семантической модели и функционального механизма глагольных лексем лакского языка в контексте взаимоотношающихся друг друга семантических и синтаксических явлений.

Поставленная цель определила необходимость решения следующих конкретных задач исследования:

1) разграничить аналитические глагольные конструкции в морфологии, словообразовании и синтаксисе лакского языка;

2) выявить и проанализировать средства обозначения общей семантики глагола – процесс, действие, состояние, взаимосвязь семантики и синтаксиса аналитических глаголов на примере номинаций с компонентами *учин/тIун* «сказать/говорить» и глагольных номинаций с глаголами общим значением существования (*бикIан* «быть»), возникновения (*хьун* «стать») и действия (*бан* «сделать»);

3) описать семантико-синтаксические особенности лакских глаголов на основе морфологических признаков «переходность/непереходность», а также падежную систему, значения падежей и их роль в семантике и синтаксисе глагольных конструкций на основе моделей их управления;

4) установить ключевые языковые механизмы семантической деривации в системе лакского глагола, пути развития и становления производных значений, дифференциации лексико-семантических вариантов на примере анализа группы глаголов движения и их функционирования в семантике, морфологии и синтаксисе;

5) систематизировать типы глагольных конструкций лакского языка как языка эргативного строя и его индивидуальные особенности.

Эмпирическим материалом для исследования в основном послужили словарные статьи, значительное количество образцов разговорной речи носителей лакского литературного языка, выбор которых обусловлен целью и задачами работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые

1) исследована роль глаголов с обобщёнными значениями существования, возникновения и действия в формообразовании и словообразовании;

2) актуализирована связь морфологической категории вида непосредственно с семантикой и синтаксисом (например, дуративный вид, обозначающий процесс, переводит эргативную конструкцию в биноминативную);

3) выявлены механизмы пассивизации активных конструкций;

4) выдвинуто и аргументировано положение о том, что эргатив и генитив в лакском языке представляют собой два самостоятельных падежа, в которых падежный формант /л/ имеет разное происхождение;

5) обоснован факт наличия в лакском языке локативной серии ИНТЕР с формантом /в/ эссиве – исторически классным показателем 1 класса;

6) обращено внимание на то, что послелогои выполняют одновременно и функции глагольных «предлогов», образуя семантически слитные конструкции (*кьюкьлул хьуриг лаян* «догнать отряд»);

7) проведен анализ базовых глагольных лексем (семантические приметы), отдельных значимых в системе языка глаголов (например, глаголов звучания) и семантических групп глаголов, занимающих важное место в глагольном словообразовании и синтаксисе.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Ограниченность количественного состава непрямых глаголов (меньше 300 единиц) и аффиксального типа словообразования в лакском языке вызывает масштабную семантическую деривацию и появление аналитических лексем разного типа, что отражается на синтаксических свойствах предикаций, формируемых глаголом.

2. Деление глаголов на переходные и непереходные на основе их синтаксических связей, обуславливает противоречие между семантикой и синтаксисом в ситуациях, когда непереходные глаголы образуют эргативные конструкции «неканонического» типа, и причиной таких противоречий оказывается способ номинации глагольной лексемы.

3. На поверхностном синтаксисе отражается также наличие диффузных глаголов и развитой полисемии, иногда переходящая в омонимию, непрямых глаголов.

4. Аналитизм, свойственный глаголу, как на морфологическом, так и на лексико-семантическом уровне, требует разграничения аналитических форм слова, аналитизма в образовании морфосинтаксических (грамматикализованных) категорий, таких, как категории фазовости, эвиденциальности и залога, и аналитического словообразования (сложных и составных глаголов).

5. Семантический принцип, лежащий в основе дифференциации глагольной лексики в тесном взаимодействии с падежным синтаксисом, позволяет различать сферы существования (в том числе локализации в пространстве и в личном владении), событийности, физических действий и экспириенциальности.

6. От семантики зависит падежная кодификация ядерных актантов синтаксических конструкций лакского языка, в связи с чем могут быть выделены следующие типы конструкций: номинативная (сфера локализованного существования и событийная сфера), генитивная (сфера принадлежности и болевых ощущений личности), эргативная (сфера деятельности человека), дативная (сфера внутренних состояний человека), POSSIBILITY (модальность возможности).

7. Как ядерные, так и периферийные падежи, в том числе и падежи локативных серий, функционируют и в таких ролях, как датив, генитив, падежи серии посессива, падежи серий супер-эссива, пост-эссива, конт-эссива.

Методы исследования. В работе использованы описательный метод, метод лингвистического наблюдения, метод компонентного анализа, метод дистрибутивного анализа, метод трансформационного анализа языковых единиц, метод индуктивного анализа.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в комплексном описании глагольной системы лакского языка. Полученные в нем результаты могут послужить базой для написания описательной грамматики лакского языка, при проведении сравнительно-сопоставительных и типологических исследований по кавказским языкам, в частности по дагестанским языкам. Собранный и проанализированный материал может быть использован также при исследовании валентностных свойств лакского глагола, глагольных фразеологизмов лакского языка, а также в работах по общей теории языка.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в возможности использования его материалов, полученных результатов и выводов в разработке лекционных курсов по общему и нахско-дагестанскому языкознанию, лексикологии, теоретической грамматике, спецкурсов по лингвистической семантике, когнитивистике, а также в курсах по типологии и общей теории языка.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждены на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Дагестанского государственного университета, изложены автором в докладах на международных и общероссийских конгрессах, научных, научно-практических и научно-методических конференциях, в частности, на II международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований» (Пенза, 2012), международной научно-практической конференции «Иностранный язык в системе высшего и профессионального образования» (Прага, 2013), международной научно-практической конференции «Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития» (Таганрог, 2019), международной научно-практической конференции «Развитие современного общества» (Уфа, 2019), международной научно-практической конференции «Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества» (Уфа, 2019), международной научно-практической конференции «Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы» (Стерлитамак, 2019), международной научно-практической конференции «Проблемы эффективного использования научного потенциала общества» (Стерлитамак, 2019), III международной научно-практической конференции «Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы» (Петрозаводск, 2020), XXX Международной научно-практической конференции «Advances in Science and Technology» (Москва, 2020), XXVII International scientific conference (Анапа, 2020), XXXI международной научно-практической конференции ««EurasiaScience»» (Москва, 2020), XXI международной научно-практической конференции «Наука, Образование, Инновации» (2020, Анапа), международной научной конференции «Инновационный потенциал развития науки в современном мире» (Уфа, 2019, 2020).

По теме диссертации опубликовано пятьдесят две научных работ, в том числе монография «Глагольные словосочетания и смежные конструкции в лакском языке» [Махачкала, 2020], 18 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень рекомендованных ВАК РФ, и 33 публикации в других научных изданиях. Материалы диссертации внедрены в научно-исследовательскую практику и учебный процесс в ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 226 наименований.

Первая глава «Семантические, морфолого-словообразовательные особенности аналитических глагольных конструкций в лакском языке» состоит из трех параграфов, в которых проведен анализ основных существующих теоретических подходов к описанию общих проблем теории слова: семантики грамматических категорий глагола, изложена авторская концепция семантики бытийного глагола *бикIан* 'быть', событийного глагола *хьун* 'случиться, стать' и глагола действия *бан* 'сделать', прослеживаются особенности аналитических конструкций лакского глагола на морфологическом уровне, в частности видовременные аналитические формы, аналитические формы категории эвиденциальности и фазовости, рассмотрены категория залога в лакском языке, аналитические конструкции на словообразовательном уровне, описаны типы глагольных номинаций, структура и семантика непроеизводных глаголов, семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами.

Во **второй главе «Семантические и синтаксические особенности глагольных конструкций в лакском языке»** описаны лексико-семантические разряды глагола и структурные типы предложений, системные отношения непроеизводных глаголов, а также лексико-семантические разряды непроеизводных глаголов с одним, двумя и тремя актантами, категория грамматического класса вида в глаголах движения, лексико-семантическая категория переходности-непереходности в группе глаголов движения, семантические разновидности глаголов движения и семантическая деривация непроеизводных глаголов движения.

В **третьей главе «Категория падежа и кодирование глагольных актантов»** проанализирован и обобщен опыт изучения категории падежа и падежной системы в лакском языке, особенности номинатива и номинативной конструкции, эргатива и эргативной конструкции, изучена семантика датива и дативной конструкции, семантическая сущность генитива и генитивных конструкций, грамматические значения сериальных и местных падежей в исследуемом языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Семантические, морфолого-словообразовательные особенности аналитических глагольных конструкций в лакском языке» рассматриваются аналитические конструкции в словообразовании, в которых в качестве вспомогательного компонента выступают те же три общих глагола (семантические примитивы *бикIан*, *хьун* и *бан*). В глагольном словообразовании, кроме названных примитивов, значительную роль в лакском языке играет и глагол речи/звучания *учин/тIун*. Дается общая история изучения глагола, характеристика глагола как части речи, описаны категории класса и лица, их роль в выражении предикативных отношений в синтаксисе.

В данной главе отмечается, что глагол является одной из самых сложных частей речи в лакском языке. Лексический состав непроеизводных глаголов незна-

чителен, но он относится к древнейшему пласту языка. В большинстве глаголов широкое развитие получила полисемия, граничащая с омонимией. Формообразование и словообразование глаголов характеризуется наличием аналитических структур. В связи с этим возникает необходимость разграничения синтаксических единиц: словосочетания и предложения от единиц морфологического уровня, аналитических форм сложных и сложносоставных слов, относящихся к уровню словообразования. Эти вопросы находятся в центре внимания в данной части работы.

Далее дана общая история изучения глагола, характеристика глагола как части речи, описаны категории класса и лица, их роль в выражении предикативных отношений в синтаксисе.

В семантике глагола, формирующей основную коммуникативную единицу языка – предложение, главными являются зоны, обозначающие состояние, событие, процесс и действие. Для обозначения наиболее обобщённых значений в каждом языке присутствуют соответствующие семантические примитивы, к которым в лакском языке относятся глаголы *бур* /*бик1ан* ‘быть’, *хьун* ‘стать’ и *бан* ‘сделать’.

Как показывает анализ, наиболее абстрактным значением обладает глагол существования *бур/ур/дур*, который в классно-личных формах своей морфологической парадигмы употребляется и в роли полнозначного глагола, и в роли связки, и в роли компонента аналитической формы. В качестве глагола существования, бытия он употребляется чаще всего в конструкциях, обозначающих локализацию предмета в пространстве: (1) *Ссавний ттуруллив дур* ‘На небе облака есть’; (2) *Вац1луву цухьри буссар* ‘В лесу медведи есть (обитают)’. В качестве связки он употребляется при наречиях состояния, обозначая производное состояние, как в (3), и при перфектных деепричастиях, обозначая производное состояние, как в (4): (3) *Хьхьери гьалакнубия* ‘Море беспокойно было’; (4) *Хьуру ттирх1уну дур* ‘Нивы сжаты’. В роли компонента аналитической формы данный глагол выступает в составе аналитических форм категорий вида, фазовости, эвиденциальности и др. в сочетании с разными спрягаемыми формами смыслового глаголами (*чичлай ур* ‘пишет’, *чичавай ур* ‘вот-вот напишет’, *чичлай унуккар* ‘кажется, пишет’, *чичлан ивк1нуккар* ‘кажется, начал писать’).

Глагол *хьун* ‘возникнуть, появиться, стать’ в качестве полнозначного глагола может обозначать событие (*Чани хьунни* ‘Наступил рассвет’), в качестве вспомогательного глагола в сочетании с атрибутивными основами он служит для образования составных глаголов (*Оьрч1ру хьуни хьунни* ‘Дети выросли’).

Глагол *бан /дан* в роли самостоятельного сказуемого обозначает переходное действие (*Буттал кьатри дурунни* ‘Отец дом сделал (построил)’). В качестве вспомогательного глагола выполняет словообразовательные функции, в том числе участвует в образовании переходных глаголов от непереходных и каузативных глаголов в системе залоговых преобразований.

Из морфологических словоизменительных категорий в работе анализируется категория класса и её роль в глагольном словосочетании и в оформлении

других членов предложения. Представлена сложная и неоднозначная картина синтаксических связей в лакском языке, которую создаёт словоизменительная категория класса, кумулятивно выражающая и число. С одной стороны, данная категория проявляет себя в именных словосочетаниях: изменяемые по классам зависимые согласуются со своими вершинами в классе и числе. Все остальные случаи классно-числового согласования, в том числе и классно-числовых форм глагола, относятся к сфере предложения, а не словосочетания, поскольку классные аффиксы ориентированы на ядерные члены предикации – субъект непереходных и прямой объект переходных глаголов, которые кодируются номинативом имени. Этим объясняется и расширение понятия «глагольное словосочетание» (П.А.Сулейманова) и отсутствие раздела о глагольных словосочетаниях (К.И.Казенин) в описаниях синтаксиса лакского языка.

Одной из основных синтаксических категорий лакского глагола является категория лица. В работе показано, что свою основную функцию – указание отношения между участниками ситуации и локуторами – личные показатели совмещают и с другими синтаксическими функциями. Личное окончание, кумулятивно совмещающее значения утверждения и лица, является одним из главных показателей предикативности синтаксической единицы, превращающей пропозицию в предложение.

В разделе 1.1.3. рассматриваются грамматические категории глагола в лакском языке. Отмечается, что наличие наряду с классным спряжением и личного спряжения является одной из отличительных черт лакского языка.

Категория лица связана с ситуацией речи и противопоставляет участников ситуации речи (локуторов) и не-участников. 1 и 2 лицо являются участниками речи (субъект речи и адресат), а 3 лицо не является участником речевой ситуации. В формах 1–2 лица различается и число, 3 лицо не различает числа. Каждое из лиц находит формальное выражение в специальных аффиксах – личных окончаниях предиката /глагола или имени/.

Набор аффиксов личного спряжения варьирует, во-первых, в зависимости от фонетической позиции (предшествующего звука) и, во-вторых, от склонения глагола.

Базой для личного спряжения лакского глагола являются личные окончания глагола-связки *бур* (*ур*, *дур*) ‘есть’ в основных формах настоящего и прошедшего времен. Эти аффиксы формируют личное спряжение глаголов в основных склонениях, выражающих реальную модальность – *индикативе* и *итеррогативе*.

В данном разделе показаны также некоторые семантико-синтаксические особенности категории лица.

Прежде всего, в лице, как и в классе, глагол согласуется с именем в номинативе. При непереходных глаголах – это субъект, при переходных (в том числе и при глаголах восприятия) – это объект.

В личных формах прошедшего времени итеративного вида аффикс функционирует в вариантах **-вав** (← **-бав**), **-ва** (← **-ба**): *ина учлайвав* ‘ты

приходил', *арс учлайва* 'сын приходил' (3 л. субъекта), *арснал чагъар чичай-ва* 'сын (многокр.) письмо писал' (3 л. объекта).

Активные переходные глаголы (глаголы действия) имеют свои особенности личного спряжения. В 1 - ом лице настоящего времени перфектного вида такие глаголы имеют двойкие окончания – субъектные и объектные. Объектные окончания не отличаются от стандартных, а при активном субъекте глагол имеет личное окончание **-а /-яв** в ед.ч. и **-арду/-ярду** во мн.ч.: а) *танал на /ина авттун-на* 'он избил меня/тебя'; б) *на та/ина атт-ав* 'я его/тебя избил'; *жу та атт-арду* 'мы его избил'; *на къама гъа-яв* 'я смолол зерно'; *жу къама гъа-ярду* 'мы зерно смололи'.

Но активность 2-го лица не находит отражения в личном окончании, которое остаётся объектным: в) *ина та авттун-ни* 'ты его избил', *зу та авттун-ни* 'вы его избил', *зу тай бавттун-ни* 'вы их избил'.

В биноминативной конструкции, таким образом, 1 лицо получает особое окончание, которого нет у 2-го лица.

Однако в формах общего вопроса вопросительного наклонения статус 2-го лица поднимается, а 1-е лицо переходит к объектному типу спряжения, то есть согласуется с объектом: *ина та атт-ав?* 'ты его избил'; *зу та атт-арду-в?* 'вы его избил?' (субъектное спряж.) *на та авт-ри-в?* 'я его избил?', *жу та авт-ри-в?* 'мы его избил?' (объектное спряжение).

Следует отметить также некоторую иерархию лиц: 1) локуторы (1–2 лицо) противопоставлены нелокутору – 3-ему лицу; 2) активное 1-е лицо противопоставлено и 2-му и 3-му лицам. При этом в вопросительных формах статус 2 лица повышается.

Таким образом, весь спектр личных окончаний лакского глагола представлен в формах *настоящего и прошедшего времён индикатива*.

Формы *будущего времени* по своей модальности близки к наклонениям гипотетической модальности и образуются от инфинитива, при этом личные окончания совпадают с окончаниями настоящего времени. Непосредственно от инфинитива образованы формы 1 л.: *на учлан-на* 'я приду', *жу бучлан-ну* 'мы придём'. Формы будущего вероятного осложнены суффиксом **-сса-**: *Дуниял дашлай дур, гъарал лачлун-сса-р* 'Становится пасмурно, вероятно, дождь пойдёт'.

Формы будущего категорического образуются от инфинитива при помощи сложного форманта **-тгисса-р /-ра/-ру** (см. ниже).

В наклонениях *гипотетической и ирреальной модальности* личные аффиксы присутствуют в виде более сложных морфем, образованных слиянием тех или иных основ вспомогательного глагола с личными аффиксами настоящего или прошедшего времени.

Личные формы гипотетического наклонения образуются при помощи сложных формантов, включающих в себя личные окончания настоящего и прошедшего времени. Таких формантов несколько: 1) **-кка-р** (наст. вр.), **-кки-ва** (прош. вр.) соответствуют значению «кажется»: 1-2 л. ед.ч. *на /ина айкъуну-кка-ра* 'кажется, я/ты ошибся'; *айкъуну-кки-вав* 'кажется, я/ты ошибался'; 1-2 л. мн.ч.

жу/зу бйкьуну-кка-ру ; бйкьуну-кки-вав); 3 л. ед. ч. та аькьуну-кка-р; мн.ч. тай бйкьуну-кка-р; та аькьуну-кки-ва, тай бйкьуну-кки-ва.

Формообразующей основой является деепричастие перфектного вида.

В современном лакском языке нет глагола *ккан, формами которого, вероятно, является данный формант гипотетива. Тот же корень в редуцированном виде присутствует в глаголе ккаккан 'увидеть'.

2) -хьунсса-р (наст. вр.), -хьунсси-я (прош. вр.) соответствуют значению «возможно, наверное». Личные формы образуются стандартно: *ина аьвкьу-хьунсса-ра* 'ты, наверно, простудился (наст. перф.)', *та аьвкьу-хьунсса-р* ; *ина аьвкьу-хьунсси-яв* 'ты, наверно, простужался (прош. перф.)', *та аьвкьу-хьунсси-я* 'он, наверно, простужался'.

Формообразующие основы – краткие причастия соответствующего вида.

3) -хьу-ви (наст. вр., 3 л.) соответствуют значению «надеюсь»: *ина ниттичлан лавг-хьу-ва* 'надеюсь, ты ходил к матери', *арс ниттичлан лавг-хьу-ви* 'надеюсь, сын ходил к матери' (3 л. субъекта), *ина чагьар чивчу-хьу-ви* 'надеюсь, ты написал письмо' (3 л. объекта).

Осложнение форманта показателем -яв/-я (-хьуви-яв, хьуви-я) придаёт форме разные модальные оттенки (упрёка, оправдания и под.).

Особое место занимает форманты -тлисса-р (-ра, -ру) и -тлисси-я (-яв). Они образованы от причастия глагола речи тлун 'говорить' и сочетаются с инфинитивами всех трёх видов, при этом личные показатели -ра, -ру, -р образуют формы будущего категорического: *на /ина учлан-тлисса-ра* 'я приду/ ты придёшь'; *жу/зу бучлан-тлисса-ру* 'мы придём / вы придёте'; *та учлан-тлисса-р* 'он придёт', *тай бучлан-тлисса-р* 'они придут'.

Личные показатели прошедшего времени -яв, -я переводят формы будущего времени (в том числе будущего вероятного и будущего категорического) в кондициалис. Формы, соотносительные с будущим вероятным, образуют условное наклонение, то есть обозначает действие, возможное при определённых условиях, ср.: (1) *Зунсса клантурду барча, халкь шяравун зана хьунссап* 'Если создадут места для работы, люди вернутся в село' (буд. вероятное) – *Зунсса клантурду бивклссания, халкь шяравун зана хьунссиа* 'Если бы были места для работы, люди вернулись бы в село'.

Формы, соотносительные с будущим категоричным, образуют сослагательное наклонение, то есть ирреальными является и условие, и действие. Ср.: (2) *Зунсса клантурду барча, халкь шяравун зана хьунтлиссар* 'Если создадут места для работы, люди вернутся в село' (буд. категоричное) – *Зунсса клантурду бувссания, халкь шяравун зана хьунтлиссиа* 'Если бы создали места для работы (а их не создали), люди вернулись бы в село'.

Кондициалис *зана хьунссиа* (действие ещё возможно при реальном условии) противопоставлен ирреалису *зана хьунтлиссиа* (действие невозможно, потому что условие отсутствует, возможность упущена).

Таким образом, будущее время и ирреальные наклонения (кондициалис и ирреалис) оказываются взаимосвязанными, отличаясь личными аффик-

сами настоящего и прошедшего времени соответственно (ср., что и в русском языке сослагательное наклонение соотносится с формами прошедшего времени с частицей **бы**).

Категория лица признается чисто морфологической категорией в отличие от других грамматических категорий, в которых при образовании грамматических форм аффиксация сочетается с аналитизмом.

Категория лица и лично-числовые аффиксы являются показателями самостоятельности предикации и главной клаузы в составе сложного предложения.

Основную функцию – указание отношения между участниками ситуации и локуторами – личные показатели совмещают и с другими синтаксическими функциями.

Одной из таких функций является **обозначение ремы** в предложении. В роли рематизаторов показатели **-ра/-ру/-ри** и **-яв/-я** могут перемещаться от сказуемого к другим членам предложения.

Отмечается, что глагол при этом принимает форму причастие с суффиксом **-сса**. Используя понятия темы и ремы, грамматическое средство для обозначения ремы может быть названо рематизатором. Именно в этой функции выступают личные окончания. Приведены примеры функционирования этого явления (выделены показатели ремы): (3) *Буттал машина лавсунни* ‘Отец машину купил’ – (3¹) *Бутталли машина лавсъсса* ‘Это отец купил машину’ – (3²) *Буттал машинари лавсъсса* ‘Отец именно машину купил (а не что-либо другое)’ . (4) *На дуклу Лаккуйн лавгссияв* ‘Я в прошлом году ездил в Лакию’ – (4¹) *Наяв дуклу Лаккуйн лавгсса* ‘Это я в прошлом году ездил в Лакию’ – (4²) *На дуклуяв Лаккуйн лавгсса* ‘Это в прошлом году я ездил в Лакию’ – (4³) *На дуклу Лаккуиньяв лавгсса* ‘Это в Лакию я ездил в прошлом году’.

Приведенные примеры показывают, что личное согласование остаётся неизменным – в (3) и его коммуникативных (фокусно маркированных) вариантах показатель 3 лица **-ри** и его фонетические варианты указывают на объект переходного глагола (‘машина’), в (4) и его коммуникативных вариантах – показатель 1 л. прош. вр. **-яв** указывает на субъект непереходного глагола.

В частно-вопросительных предложениях рематизатор часто перемещается к вопросительному слову: (5) *Ва гъаравух нпу чун лавгри?* ‘В такой дождь куда отец отправился?’ – (5¹) *Ва гъаравух нпу чунни лавгсса?* ‘В такой дождь куда же это отец направился?’

Личный формант **-рив** (реже **-яв**) используется как *средство связи* зависимой конструкции с изъяснительным значением при глаголах речи, мысли, при этом в составе зависимой конструкции присутствуют вопросительные слова, которыми обозначена рема (зависимые конструкции подчёркнуты): (6) *Ттун къаклулли, вай къатри та дурссарив.* ‘Я не знаю, когда был построен этот дом’.

При отсутствии вопросительных слов в зависимой части они трансформируются в герундийные обороты (6¹) или причастия с суффиксом **-сса** в значении герундия (6²): (6¹) *Ттун клулли вай къатри 100 шинал хъхъич1 дуршиву* ‘Я знаю, что это дом построен 100 лет тому назад’. (6²) *Нузайн щиллие къут1 увкусса ттун къабавуна.* ‘Что кто-то постучал в дверь, я не услышал’.

Вопросительная форма показателя 3-л. **-рив** перешла в разряд союзных *клитик* с сопоставительно-противительным значением «а», сохраняя при этом и рематическую функцию: (7) *Танил шама арс дяъвилийн лавгссар, махъунайрив* *цяягу занакъаивкIссар* ‘Три её сына ушли на войну, а назад ни один не вернулся’.

Личные показатели в вариантах *ди/ да/ ду* употребляются в роли утвердительной частицы «да». В роли отрицательной частицы «нет» выступает отрицательная связка *бакъар / бакъара/ бакъару*. При этом в вопросительной реплике рема обозначена клитикой **-рив /-рав/-рув** и их фонетическими вариантами: (8) *Буттацаллив оърчI нанисса?* ‘Мальчик с отцом отправляется?’ – *Ди, буттацалли* ‘Да, с отцом’; (8¹) *БуттачIаннав ина нанисса?* ‘К отцу ты едешь?’ – *Да, буттачIанна* ‘Да, к отцу’; (8²) *БуттачIаннув зу бувкIсса?* ‘К отцу вы приехали?’ – *Ду, буттачIанну* ‘Да, к отцу’; (9) *Инарив чагъар чивчусса?* ‘Ты написал письмо?’ – *Ди, нари*. ‘Да, я’; (9¹) *Инарав Асланнул автсса?* ‘Тебя Аслан побил’ – *Да, нара* ‘Да, меня’.

Личное согласование клитики подчиняется общим правилам – в ней отражается лицо субъекта при непереходном глаголе (см. пример 8) и лицо объекта при переходном глаголе (см. пример 9).

Категории класса и лица, кумулятивно выражающие и значение числа, формируют основные синтаксические категории – пропозицию и предикацию. В лакском языке производных от предложения конструкциями являются не только номинализации (масдарные и герундийные конструкции), но и атрибутивные (причастные) и адвербиальные (деепричастные и конвербные) конструкции. В формировании пропозиции участвуют категории падежа и класса. Падежом кодируются именные члены (актанты) пропозиции, классно-числовые показатели указывают на ядерные актанты – субъект состояния, события, процесса (непереходные глаголы) и прямой объект действия при переходных глаголах. Категория лица участвует в формировании предикации. Ю.С. Степанов определяет предикацию как акт создания пропозиции. Он делит предикацию на два этапа: 1-й этап (предикация в узком смысле) – создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – *незавершённая* предикация; 2-й этап предикация в широком смысле) – утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности – *завершённая* предикация. «В глагольном предложении, – считает Ю.С. Степанов, – к предикации как вневременной связи, присоединяются показатели и смыслы двух других функций языковых выражений – номинации (показатель способа бытия – сама лексема глагола) и локации (показатели времени, места, лица, наклонения и т.д.), которые группируются вокруг глагола, образуя «глагольный комплекс» предложения» [Степанов 1990: 393]. В лакском языке категория лица, в которой одновременно выражается и утверждение, может быть признана, наряду с модальностью, одной из основных категорий, обозначающих предикативность. Зависимые конструкции (номинализации и другие трансформы) не обладают самостоятельной предикативностью в силу того, что глагольные трансформы

по лицам не изменяются и самостоятельной финитностью не обладают: финитность может быть выражена только вместе с морфемой лица.

Подробно описывается и анализируется и категория эвиденциальности. Подчеркивается, что категория эвиденциальности в лакском языке представлена значительно богаче, чем это представлено в научной литературе. В ней отмечены следующие формы, составляющие определённую иерархию по степени достоверности: **очевидные** (прямая информация) > **категорические** (заглазная и категорическая) > **аудитивные** > **эпические** (с инферентивом) > **цитативные**. С учётом подзначений таких форм оказывается около семи. Большинство форм является аналитическими, причём формальная часть может состоять из двух компонентов. В образовании аналитических форм категории эвиденциальности участвуют в качестве вспомогательного глагола спрягаемые формы глагола *бикIан* 'быть': *бур* (наст. вр.), *бия* (прош. вр.) и *бикIантIиссар* (буд. вр.). Глагол речи *тIун* 'говорить' в роли клитики *тIар* 'говорят' образуют формы цитатива.

Обобщены имеющиеся сведения и систематизирована категория фазовости, отмечены фазовые значения и способы их образования. В составе категории фазовости в лакском языке могут быть выделены следующие фазы: 1) начальная фаза (*инхоатив*): дуративный инфинитив + *бикIан* (*чичлан ивчIунни* 'начал писать'); 2) фаза протекания действия (*прогрессив*, совмещается с дуративным аспектом): дуративное деепричастие + *бур* (*ур, дур*) (*чичлай ур* 'пишет'); 3) фаза продолженности (*континуатив*, осложнённый значением «ещё, всё ещё»): дуративное деепричастие с аффиксом длительности **-на** (**-нма, -нна**) + *бур* (*ур, дур*) (*чичлайна ур* 'продолжает писать'); 4) фаза близости к завершению (значение «вот-вот», предлагаем назвать эту фазу *перспективом*): деепричастие на **-авай** + *бур* (*ур, дур*) (*чичавай ур* 'вот-вот напишет'); 5) фаза завершённости (*терминатив*, совпадает с перфектом): личная форма, образованная от перфектного деепричастия (*чивчунни*) с возможностью образования результата состояния (*чивчуну бур* 'написано'); 6) прерванность действия на последней стадии (возможный термин *антитерминатив*): деепричастие на **-авай** + *личIан* 'остаться' (*чичавай ливчIунни* 'чуть не написал').

В зависимости от семантики глагола фазовые значения могут быть иначе интерпретированы. Четвёртая в приведенном перечне фаза у мгновенных глаголов может оказаться внешней по отношению к ситуации, то есть значение перспективности приобретает значение проспективности (ожидания), например, во фразе: *ЧиIра лекъавай бур* «Стена вот-вот обрушится». Такие формы могут употребляться и в качестве угрозы: *На ина аттавай буре* (ребёнку) 'Смотри, побью!' (смысловой перевод).

Требует пояснения и *антитерминатив*. Это значение находится скорее вне пределов ситуации, поскольку событие не произошло. Возможно, данное значение близко к кунктативу («так и не...»). Но смыслы «чуть не» (событие нежелательное для говорящего) и «так и не...» (выражающее скорее сожаление) различаются.

В зависимости от семантики основного глагола семантика фазовой формы может видоизменяться. Например, инхоатив от событийных глаголов

типа *учлан* ‘прийти’ (однократное) – *уклан* (многократное) ‘приходить’ приобретает значение хабитуальности: *уклан ивклунни* ‘начал приходить’.

Если представить все фазовые значения, в том числе и внешние, процессуального глагола *чичин* ‘написать’ в один ряд, то получим (формы представлены в 3 лице, 1 кл. субъекта, индикатив, наст. вр., утвердит.): (1) *чичин най ур* ‘собирается (на)писать’ – (2) *чичлан ивклунни* ‘начал писать’ – (3) *чичлай ур* ‘пишет’ – (4) *чичлайна ур* ‘продолжает писать’ – (5) *чичавай ур* ‘вот-вот напишет’ – (6) *чивчунни* ‘написал’ – (7) (*аьрза* ‘заявление’) *чивчуну бур* (3 л. объекта – результативное состояние) – (8) *чичавай ливчлунни* ‘чуть не написал’.

Следует обратить внимание на особенности континуатива. Континуатив имеет в своём составе суффиксальные классные показатели: **-на** (1 кл.), **-нма** (3 кл.), **-нна** (2,4 кл.). В диахроническом плане они представляют собой варианты частиц **-ва**, **-ба**, **-ра** (с открытым долгим [а]), которые присоединялись к суффиксу деепричастия **-ну**: **чичлайнува* → *чичлайна*, **чичлайнуба* → *чичлайнба* → *чичлайнма*, **чичлайнура* → **чичлайнра* → *чичлайнда* → *чичлайнна*.

От деепричастий образуются и причастия с континуативным значением: *лачлайннасса гьараллу* ‘продолжающиеся (бесконечные) дожди’, *чичлайнмасса чагьарду* ‘продолжающие приходить, бесконечные письма’.

Континуатив состояния образуется от перфектного деепричастия или наречия состояния. При этом деепричастия может иметь значение «давно, уже» или «почти»: *дик1 шархьна дур* ‘мясо уже сварено’/ ‘мясо почти сварено’ (в зависимости от контекста). Наречие в роли сказуемого (предикативное наречие) обозначает длящееся состояние: *Накь клиринна дур* ‘Суп ещё горячий (ещё не остыл)’. Такие сказуемые адъективируются в причастия или прилагательные со значением длительности признака: *Баргь бивтна бур* ‘Солнце всё светит’ – *бивтнасса баргь* ‘постоянно светящее солнце’; *Чай клиринна дур* ‘Чай ещё горячий’ – *клириннасса чай* ‘ещё горячий чай’.

Отрицательная форма континуатива с отрицательной проклитикой **къа-** в сочетании с глаголом *личлан* ‘остаться образует аналитическую форму со значением «так и не» (кунктатив по В.А. Плунгяну): *Шяравун къалавгна ливчлунна* ‘Так и не поехал в село’; *Чагьар къачивчунма ливчлунни* ‘Письмо так и не написал (не удалось)’.

В зоне фазовости находятся и некоторые другие сочетания, выражающие начальную фазу ситуации. Начало выражается сочетанием дюративного деепричастия или инфинитива с глаголами *байбишин* «начать» и *бачин* «пойти». При этом формы приобретают различные эмоционально-экспрессивные оттенки: *буслий айивхьунни*, *буслий авчунни* «начал рассказывать» (ожидание долгого и нудного действия); *буслан авчунни*, *буслан айивхьунни* ‘стал (было) рассказывать’ (действие может быть прервано в самом начале).

К категории фазовости относятся и сочетания инфинитива с вспомогательным предикативным словом *увар* (*бувар*, *дурар*) в настоящем времени и *увая* (*бувая*, *дурая*) в прошедшем времени, обозначающие фазу, ещё далёкую до начала действия или до его завершения. Вне контекста фазовости данный

предикат не употребляется. У него нет инфинитива, что даёт основание считать его недостаточным глаголом или разновидностью глагола-связки *бур*.

Залог, понимаемый как преобразование синтаксической структуры предложения, и залоговость являются сложной грамматической категорией, которая в дагестанских языках ещё недостаточно изучена. Основным способом её морфологического выражения в лакском языке является аналитический пассив в безагентивной конструкции (*Хьуру ттирх1уну дур* 'Нивы сжаты') и аналитические глаголы актантной деривации, в образовании которых участвуют вспомогательные глаголы широкой семантики *бан* 'сделать', *битан* 'позволить', *бик1ан* (в значении 'дать случиться с собой чему-нибудь').

Некоторые связывает залоговую дифференциацию в языках эргативной типологии с семантикой типов предложений, организуемых непереходными, переходными, аффективными глаголами и особенностями синтаксических отношений внутри предложения [Дешериева 1986: 45–77].

Залог и актантная деривация в лакском языке находятся на стыке морфологии (образование аналитических форм пассива), словообразования (аналитический транзитив и каузатив) и синтаксиса (изменения синтаксических отношений при залоговых преобразованиях).

Отмечается, что в отличие от русского языка, где переходный глагол несовершенного вида заменяется возвратным глаголом в страдательном значении, а глагол совершенного вида заменяется краткой формой страдательного причастия, в семантически ролевых языках такая замена в принципе невозможна, поскольку роль агенса кодируется только эргативным падежом, а роль пациенса – только абсолютным (номинативным) падежом, с которым сказуемое согласуется в спрягаемых формах.

Утверждается, что в поле залоговости находятся не только переходные глаголы. К залоговым могут быть отнесены более общие, универсальные значения, определяемые как действие / событие, процесс, состояние. Эти значения могут выражаться как на грамматическом уровне (морфологической формой предиката и типом синтаксической конструкции), так и на лексическом (например: *садиться* (процесс) – *сесть* (событие) – *сидеть* (состояние)). По законам экономии языковых средств такие универсальные значения предрасположены к грамматикализации. В русском языке в центре этого процесса оказываются в основном переходные глаголы, поскольку «действительные» и «страдательные» значения отражаются в форме предиката и в синтаксических отношениях, лексические же способы обозначения действия, процесса и состояния находятся на периферии языка. При этом исходными считаются значения действительного залога (субъект в роли подлежащего), а страдательные конструкции считаются производными (прямой объект в роли подлежащего).

Однако в русском языке глагол может принимать показатель пассивного залога и в таких конструкциях, в которых подлежащее исходной структуры (семантический агент) никак не выражено. Более того, как отмечает В.Г. Плунгян, такого рода «безагентивный» пассив является более распространённым, чем аген-

тивный, то есть предложения типа: (1а) *Разговор был прерван*, (1б) *Занятия проводились на открытом воздухе*, (1в) *В инструкции сообщались правила обращения с пейджером* – более типичны и в русском языке. Эти конструкции отнесены к пассивным, поскольку сказуемые в них выражены или возвратными глаголами в страдательном значении (1б, 1в), или кратким страдательным причастием (1а). Говоря другими словами, залог в русском языке жёстко привязан, во-первых, к переходным агентивным глаголам, во-вторых, меняется способ выражения глагола-сказуемого (возвратный глагол или страдательное причастие), в-третьих, синтаксический ранг прямого дополнения повышается до подлежащего. И ещё один существенный момент – пассивные конструкции в русском языке, как и соотносительные с ними активные, указывают в большей степени на результативность действия, а не на состояние (см.: *Дома построены, коммуникации подведены*).

Подобный тип «безагентивных» конструкций, соотносительных с переходными глаголами, встречается и в дагестанских языках, в частности в лакском языке: 2) *Жул шяраву чIярусса цIусса къатри* (4 кл.) *дурну дур* ‘В нашем селе построено много новых домов’; 3) *Жул шяраву чIярусса цIусса къатри* (4 кл.) *дуллай бур* ‘В нашем селе строят (/строится) много новых домов’; 4) *Хьуру ттихIайссар августрай* ‘Поля убирают (жнут) в августе’.

Можно утверждать, что безагентивные предложения в лакском языке очень близки к страдательным оборотам русского языка, а иногда и совпадают с ними (как в (2)). Сочетание перфектного деепричастия с бытийной связкой полностью соответствует краткому причастию (в нашем примере с нулевой связкой) русского перевода, при этом оба компонента сказуемого в классе согласованы с подлежащим (семантическая роль пациенса).

Таким образом, в безагентивных конструкциях с переходными глаголами, во-первых, повышается синтаксический статус пациенса (прямого дополнения), во-вторых, в пассивизации используется специальный механизм – устранение агенса, в-третьих, сказуемое имеет особые формы, реализуемые в такой трансформации. Всё это позволяет подвергнуть сомнению установившийся тезис о залоговой нейтральности глагола в дагестанских языках.

В лакском языке наблюдаются не только «безагентивные» предложения, обозначающие состояние, но и «беспациентивные» (безобъектные). Ср.: (5) *На дукра* (4 кл.) *дукав* ‘Я поел (букв.: еду поел)’ – биноминативная конструкция с агентом, выраженным местоимением 1 лица, сказуемое в лице согласуется с агенсом (-ав), а в классе с пациенсом (д-). (5¹) *На дуркуну ура* ‘Я сыт (букв.: я поемши есть)’ – конструкция, обозначающая состояние лица. Сравним также: (6) *Мусал хIарчIун дур* ‘Муса выпил (букв. Муса выпивши есть)’ – «беспациентивная» эргативная конструкция (обобщённый объект «спиртное» опущен), действительный оборот. Оба компонента сказуемого в классе согласуется с опущенным объектом (*хIан* ‘спиртное’). (6¹) *Муса* (1 кл.) *хIарчIун* (4 кл.) *ур* (1 кл., 3 л., ед.ч.) ‘Муса пьян’ – биноминативная конструкция с опущенным объектом. Деепричастие аналитического сказуемого в классе согласуется с опущенным объектом, а спрягаемая часть и в классе, и в

лице согласуется с субъектом. Ср.: *Ина* (1 кл., 2 л., ед.ч.) *хларчлун ура* ‘Ты пьян’ – *Зу* (1 кл., 2 л. мн.ч.) *хларчлун буру* (1 кл., 2 л., мн.ч.) ‘Вы пьяны’.

Конструкции (5¹) и (6¹) не могут быть формально отнесены к страдательным оборотам, поскольку в них синтаксические отношения не меняются: подлежащее не теряет своего ранга, меняется только его семантическая характеристика: субъект действия (агенса) становится субъектом состояния (пациентом).

Такие трансформации возможны и при сохранении объекта: (7) *Буттал чу* (3 кл.) *бавххунни* ‘Отец продал лошадь’ – (7¹) *Ппу чу бавххуну ур* ‘(букв.) Отец продал лошадь есть’ / *На* (1 кл., 1 л.) *чу* (3 кл., 3 л.) *бавххуну ура*. В эргативной конструкции (7) сказуемое согласуется с объектом в номинативе и в классе, и в лице. В биноминативной конструкции (7¹) деепричастие в классе согласуется с объектом, а спрягаемая часть согласуется с субъектом и в классе (нулевой показатель 1 кл.), и в лице (-ра). Связь смысловой части сказуемого с объектом (прямым дополнением) является более тесной, субъект в номинативе является главным претендентом на роль подлежащего по всем признакам: онтологическому (название лица), коммуникативному (тема сообщения) и синтаксическому (контролёр согласования спрягаемой части сказуемого). Отмечается, что в современном лакском языке конструкции типа (7¹) не употребительны.

В лакском языке в связи с неразвитостью аффиксального словообразования в сфере глагольной лексики, в роли сказуемых часто выступают фразеологически связанные сочетания с разной степенью слитности компонентов. Когда позиция прямого объекта при переходном глаголе в таких семантически слитных сочетаниях оказывается занятой именной компонентом фраземы, реальный (семантический) прямой объект сложного предиката принимает форму одного из местных падежей. Такой «непрямой объект» при пассивизации может занять место реального прямого объекта (пациента) и повыситься до статуса подлежащего «безагентивной» пассивной конструкции. Например: (8) *Буттал* (эргатив) *чай* (суперэссив) *к/или* (номинатив) *дирхьунни* ‘Отец оседлал лошадь (букв.: на лошадь седло положил)’ – *Чу* (3 кл., номинатив) *к/или дирхьуну* (4 кл. д...-р) *бур* (3 кл. б-) ‘Лошадь оседлана’.

В отличие от русского языка, где залог связывается только с переходными глаголами, в дагестанских языках он может иметь отношение и к переходным глаголам – и к агентивным, и, особенно, к пациентивным, обозначающим переход из одного состояния в другое. Показательно, что агентивные одновалентные глаголы действия типа *щяиклан* ‘сесть’ выступают в трёх онтологических характеристиках (понятийных категориях), которые, на наш взгляд, также относятся к полю залоговости. Ср.: (а) *Къужа щяиклай ур* ‘Старик садится’ (процесс-действие); б) *Къужа щяивк/унни* ‘Старик сел’ (переход в состояние); в) *Къужа щяивк/ун ур* ‘Старик сидит’ (состояние).

При этом состояние может быть результатом действия и переходного глагола *щяитан* ‘посадить’: б¹) *Оьрч/ал къужа бургьилу щяивтунни* ‘Мальчик посадил старика на солнышко (=греться)’ – в) *Къужа бургьилу щяивк/ун ур* ‘Старик

сидит на солнышке’ (как результат переходного действия); (в¹) *Къужса бургылу щяивтун ур* ‘Старика посажен на солнышко’ (букв.) // ‘Старика посадили на солнышко’ (для перевода второй вариант – неопределённо-личное предложение – более адекватен).

«Страдательные обороты», т. е. безагентивные конструкции с перфектными деепричастиями в сочетании со спрягаемым компонентом часто употребляются при описаниях и обозначают состояния, являющиеся результатом действия, направленного на объект: *Чланкъатлувун хъаттирду дирчуну дия* ‘На пол были постелены ковры’; *Магъулу лампа лархъун дия* ‘Под потолком была повешена (= висела) лампа’.

Пассивный залог глагола, как показывает материал нашего исследования, связан чаще всего с обозначением результативного состояния. Однако состояние предмета может быть и непроизводным, не соотносительным с глаголом. О таких предикатах следует особо сказать, поскольку они в синтаксических описаниях не нашли должного места. Так, в работе К.И. Казенина присутствует небольшой параграф «наречие в составе сказуемого» (Казенин 2013, 123–124), где автор рассматривает наречия как часть именного сказуемого (вероятно, автор ориентируется на русский перевод предложений): *На ца ссалчлавгу къуману акъара* ‘Я совершенно ничем не ущемлён’, или: *Гъава лахъхъунияр гъелину бия* ‘Воздух был теплее, чем вчера’. Выделенные нами слова являются наречиями образа действия (точнее – состояния) и не имеют отношения к именному сказуемому. Такие наречия являются одним из главных способов выражения непроизводного состояния в лакском языке. Этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения в связи с проблемой залога.

В словообразовательных аналитических конструкциях особое внимание уделяется конструкциям с вспомогательными глаголами *учин/тлун* ‘сказать/ говорить’, *биклан* ‘быть’, *хъун* ‘стать’ и *бан* ‘сделать’.

Анализ сочетаний наиболее употребительных вспомогательных глаголов с разными основами позволяет сделать некоторые выводы о природе данных сочетаний. Наиболее частотными являются сочетания «кратких прилагательных» с глаголами *хъун* и *бан*. В составе аналитического глагола адъективная основа не является самостоятельным членом предложения (*Марч паракъат хъунни* ‘Ветер стих’). При наречной транспозиции образуется обстоятельство образа действия или предикатив («категория состояния»): *Паракъатну щяиклу* ‘Сядь спокойно’. *Хъхъири паракъатну бур* ‘Море спокойно’).

Сочетание аморфных слов со вспомогательными глаголами также словосочетания не образуют. К аморфным словам относятся: 1) звукоподражательные и звукоименные слова; 2) основы с затемнённой семантикой; 3) заимствованные основы.

Звукоподражательные и звукоименные основы сочетаются с глаголами речи *учин* ‘сказать’/ *тлун* ‘говорить’: *къюлтл учин* ‘сглотнуть’, *парх учин* ‘вспыхнуть’. Звукоименные и «тёмные» основы сочетаются и с глаголом существования *биклан* ‘быть’: *эц биклан* ‘нахмуриться’, *парх*

биклан ‘распушиться’. Заимствованные основы, не вошедшие в разряд имён, сочетаются чаще всего с вспомогательными глаголами *хьун* и *бан*: *кьур хьун* ‘завестись’ – *кьур бан* ‘завести’; *бат хьун* ‘исчезнуть’ – *бат бан* ‘истребить’, *мурахас бан* ‘освободить’ и т.д.

Все перечисленные типы сочетаний тяготеют к сложным глаголам, но такие сочетания являются, во-первых, проницаемыми, во-вторых, в дискурсе (особенно в диалоге) глагольный компонент может замещать всё сочетание: *Машина кьур бав?* ‘Завёл машину?’ – *Бав* ‘(да) завёл’.

Всеми признаками словосочетаний обладают сочетания существительных с вспомогательными глаголами, хотя семантическая цельность и целостность синтаксической функции позволяет определять их как аналитические глаголы. При этом часть из них образуется по стандартной схеме, например, *кумаг бан* ‘помочь’ (букв. «помощь сделать»), другие фразеологизированы, как, например, *вичли дшин* ‘прислушаться’ (букв. «ухо положить») или *даклинн багьан* ‘вспомнить’ (букв. «на сердце упасть»).

Можно утверждать, что лексикализованные аналитические конструкции представляют собой континуум, где нет чёткой границы между: 1) сложными глаголами, 2) аналогами производных слов и 3) составными глаголами – аналогами словосочетаний.

Наиболее близки к сложным глаголам сочетания, вторым компонентом которых являются глаголы *учин* ‘сказать’ / *млун* ‘говорить’ и *биклан* ‘быть’ / *битан* ‘позволить быть’. Это обусловлено тем, что первыми компонентами аналитических таких глаголов являются звукоподражательные и звуко-символические элементы, которые, как правило, не выступают в роли автономных единиц номинации. Мы говорим «как правило», поскольку некоторые из таких элементов могут получить статус имени существительного, например, *мланкI* ‘прыжок’ (см. *мланкI учин* ‘прыгнуть’, букв. «прыг сказать»), *кьацI* ‘рот’ (см. *кьацI учин* ‘укусить»; ср. в русск.: *куснуть*), *балай учин* ‘спеть’ и под.

Роль глаголов *учин* / *млун* ‘сказать’ / ‘говорить’, *биклан* ‘быть’ / *битан* ‘позволить’, *хьун* ‘стать’ / *бан* ‘сделать’ в образовании сложных и составных глаголов близка к роли деривативных морфем по своей регулярности и словообразовательному значению. В некоторых из дагестанских языков подобные компоненты в глагольных номинациях рассматриваются как суффиксы, что отражается и в написании таких глаголов, например: *члеглерлызе* (авар.) – *лухли хьун* (лак.) ‘почернеть’; *цлуббарес* (дарг.) – *цлу бан* (лак.) ‘обновить’; *гьайбиклес* (дарг.) – *гьалгьа млун* ‘разговаривать’.

Вторая глава «Семантические и синтаксические особенности глагольных конструкций в лакском языке» посвящена анализу лексико-семантических разрядов глаголов, их актантной структуре и структурным моделям формируемых ими предложений. Глаголы движения в связи с их полисемией, анализируются в отдельном разделе. Также рассматривается и падежный синтаксис, ибо падеж является основным средством кодирования ядерных актантов предложения. В главе рассматриваются значения номинатива и номинативная конст-

рукция, эргатив и формируемая им эргативная конструкция и отклонения от неё. Подробнее, чем в других работах, описываются значения датива и семантика дативной конструкции, функции генитива и генитивные конструкции в отличие от эргативной. В роли ядерных падежей выступают и некоторые периферийные падежи, что вносит трудности в определения синтаксических отношений, что требует усугубляющие проблему определения членов предложения, в том числе и в медико-педагогической сфере.

Базовые непроеизводные глаголы чётко противопоставлены производным глаголам, которые в основной массе являются аналитическими.

Разные по семантике и происхождению основы «вербализуются» при помощи ограниченного количества глаголов с общим значением, которые одновременно выполняют как словообразовательную, так и словоизменительную функции, являясь формообразующей частью конструкции. В роли таких формантов выступают глаголы *б-иклан* ‘быть’, *хьун* ‘стать’, *б-ан* ‘сделать’ и *учин/млун* ‘сказать/говорить’. Реже в словообразовательной функции могут выступать и глаголы *лаган* ‘уйти’ и *б-уккан* ‘выйти’ (*утта уккан* ‘воскреснуть’).

Наряду с аналитическим словообразованием, в лакском языке значительное место занимает и семантическая деривация – полисемия, которая связана со способностью глагола сочетаться с новыми актантами, меняя тем самым свои валентностные качества.

Внутри базовых (первообразных, первичных, непроеизводных) глаголов существуют противопоставления лексем по одной дифференциальной семе, позволяющей использовать глагол для образования аналитических конструкций, противопоставленных по данной семе. Глагол *нан* в лакском языке используется для образования дуративных коррелятов мгновенных глаголов, компонентами которых являются перфектные деепричастия смыслового глагола в сочетании со спрягаемым компонентом *нан*.

В лакском языке очень мало базовых глаголов, противопоставленных по признаку непереходность /переходность. В качестве вспомогательных глаголов, они могут участвовать в образовании производных, сложных и составных глаголов, парных по непереходности-переходности. Одной из особенностей дагестанских языков, отмеченной исследователями, является наличие в них диффузных (лабильных) глаголов, способных употребляться и как непереходные, и как переходные. Ядерный компонент (пациенс) в непереходном употреблении кодируется номинативом, в переходном значении глагол становится двухвалентным – второй ядерный компонент (агенс) кодируется эргативом. При диффузных глаголах в роли ядерного актанта может быть и неличный субъект, а название стихийных сил или других событий в эргативном падеже (формант -л), который фактически обозначает причину или орудие действия. При личном эргативе конструкция трансформируется в биноминативную конструкцию с глаголом в дуративе, а при наличии неличного эргатива такой трансформации не происходит.

По валентности глаголов и актантной структуре обозначаемых ими ситуаций выделены следующие семантико-синтаксические разряды глаголов: 1) семантические разряды одноактантных (одноместных) глаголов; 2) семантические разряды (двухместных) глаголов; 3) семантические разряды глаголов с тремя и более актантами.

В работах по лакскому глаголу при классификации глаголов учитывают следующие признаки: 1) синтаксические свойства, то есть количество именных актантов, обязательных для глагола; 2) общую семантику глагола, то есть что обозначает глагол – состояние, процесс, действие или действие-процесс; 3) семантические роли глагольных актантов, определяющие падеж имени в поверхностной структуре предложения.

Все эти признаки взаимосвязаны, поскольку количество актантов и их характер предопределены общей, частной, а иногда и конкретной (представленной одним-двумя лексическими единицами) семантикой глагола.

Среди одноактантных глаголов выделяются подгруппы слов, обозначающих состояние, процесс и действие. Общее значение состояния (в том числе и существования) передаётся глаголом *бикІан* ‘быть’.

К одноактантным глаголам состояния относятся следующие глаголы, соответствующие синтаксической модели <что/кто: ном.>:

1) корневые глаголы со значение «изменение состояния»: *аьян* ‘сгнить’, *аьраян* ‘размякнуть’, *бассан* ‘растаять’, *бавцІан* ‘расплавиться’, *бавчІан* ‘устать, утомиться; приостыть’, *баччан* ‘искривиться’, *бякьин* ‘остыть’, (*дуниял*) *даен* ‘проясниться (о погоде)’, *дацан* ‘испортиться (о погоде)’, *кьакьан* ‘высохнуть’, *кьюкьин* ‘подшеветь’, *кІиен* ‘разгореться’, *лахІан* ‘согнуться’, *лаян* ‘слежаться, утрамбоваться’, *лигьин* ‘подмерзнуть’, *лиххан* ‘поинять’, *лицІин* ‘стать прозрачным, отстояться’, *сасан* ‘закалиться’, *сисин* ‘осмелеть’, *ссуссин* ‘сноситься, стереться’, *татан* ‘скваситься’, *хьатан* ‘отсыреть’, *хьхьциин* ‘распариться’, *хьхьацин* ‘стать отечным’, *хІуен* ‘раскрошиться’, *хІанахІан* ‘раскиснуть’, *уххан* ‘устать’;

2) некоторые глаголы, обозначающие эмоциональные состояния/процессы, могут быть включены также в эту группу, например, *хьян* ‘смеяться’, *аьтІун* ‘плакать’;

3) отдельные глаголы несовершенного вида со значением «состояние – процесс», например, *щаран* ‘кипеть’, *цІалан* ‘сочиться’, *шанан* ‘спать’;

4) группа глаголов состояния (перехода в состояние) пополняется композитами, в состав которых входят вспомогательные глаголы *хьун* ‘стать’, *лаган* ‘пойти’, *дуккан* ‘выйти’ в сочетании с основами прилагательных типа *ххира хьун* ‘подорожать’, *лахьи дуккан* ‘вытянуться’, *някІ лаган* ‘посинеть’, *тяхья буккан* ‘повеселеть’ и под. К данной группе относятся также некоторые композиты, состоящие из аморфных слов и вспомогательных глаголов *учин/тІун* ‘сказать/говорить’ и *бикІан/битан* ‘быть/оставить’ типа *цух учин* ‘протухнуть’, *гьухья битан* ‘вспотеть’, *меж дикІан* ‘увянуть’ и др.

К одноактантным глаголам действия (модели <кто: ном.>) относятся в основном глаголы движения. Действия, как известно, производятся, совершаются, имеют деятеля, обычно лицо или одушевленное существо, реже в этой роли выступает предмет. Действие предполагает наличие агенса (субъекта действия) и пациенса (прямого дополнения), поэтому для обозначения действия в основном используются переходные глаголы перфектного вида. Только некоторые непереходные одновидовидовые глаголы дуративного вида, обозначающие занятия, могут быть отнесены к группе глаголов действия. Это глаголы типа *зун* 'работать', *хлун* 'жать', *члун* 'полоть', *цулун* 'косить', *талан* 'воевать'. Группа пополняется композитами с глаголом *тлун* в сочетании с аморфными словами типа *тлурклу тлун* 'играть', *ххартла тлун* 'косить' (заниматься кошением) и под.

Модель управления таких глаголов может быть осложнена другими зависимыми (неядерными актантами), например, *члиникрах цулун* 'косить косой' (<кто: ном; чем: пост-эссив>), *душманнащал талан* 'бороться с врагом' (<кто: ном.; с кем: комитатив>).

Среди глаголов, обозначающих занятия, отдельные лексемы соотносятся с активными переходными глаголами, например: *хлун* 'жать' – *ттихлин* 'сжать' (*хъу ттихлин* 'сжать поле'), *члун* 'полоть' – *дурчлин* 'выполоть' (*хъу дурчлин* 'выполоть поле'), *цулун* 'косить' – *буцин* 'скосить' (*ххулув буцин* 'сено скосить') и др.

Одноактантные глаголы являются непереходными и образуют предложения номинативной структуры.

Среди двухактантных, или двухместных, глаголов по семантической роли активного актанта можно выделить две группы: агентивные и экспериенциальные глаголы. Агентивные двухактантные глаголы перфектного вида обозначают активное действие субъекта. В роли агенса выступает, как правило, лицо, в роли пациенса – предмет, который производится, добывается, обрабатывается. Зависимое слово может восполнять смысл управляющего глагола. Агентивные глаголы являются предикативными центрами *эргативных конструкций*, в которых роль агенса выражается в лакском языке эргативным падежом, а роль пациенса – номинативом.

По степени «переходности», или, точнее, активности, на первом месте находятся глаголы **созидания**, прежде всего глагол **бан /дан** с широким значением 'произвести, сделать, сотворить'. В роли пациенса при этом глаголе может быть название любого предмета, являющегося «творением». Способ созидания в глаголе не назван, но имя объекта возбуждает пресуппозиции и включает фоновые знания говорящих о способе действия, восполняя семантическую недостаточность глагола, например, *члира бан* 'построить стену', *жулар дан* 'связать носок', *нак дан* 'сварить суп' и т.д.

К непроизводным глаголам созидания модели <кто: эрг; что: ном.> относятся следующие лексемы: *дуруххан* 'сшить', *ттисин* 'скроить', *щащан* 'соткать'.

Некоторые из значений полисемантических глаголов приобретают значение созидания, например: *буккан /дуккан* ‘выйти’ – *кIаланг дуккан* ‘вырыть яму’.

К агентивному типу относятся следующие группы глаголов: а) глаголы, обозначающие добывание, перемещение, обработку предметов; их употребление: (*янна, кару*) *июшин* ‘выстирать (бельё), вымыть (руки)’, (*къатта*) *хIулухIин* ‘побелить (комнату)’, (*лажин, лах*) *лишин* ‘вытереть (лицо), стереть (пыль)’, (*къатта*) *башин* ‘подмести (комнату)’, (*ччар*) *гъуен* ‘свеять (зерно на току)’, (*лажин*) *цIарцIан* ‘разодрать, расцарапать (лицо)’, (*къама*) *гъаян* ‘смолоть (зерно)’, (*чару*) *цIуцIин* ‘стесать (камень)’, (*иникIма*) *кIучIин* ‘просеять муку’, (*кIисса, къартта*) *къукьин* ‘порезать (палец), срезать ветку’, (*дикI*) *шашан* ‘сварить (мясо)’, (*ччатI*) *бухъан* ‘порезать, разломать хлеб’, (*оьл/накI*) *ттизин* ‘подоить корову, сдоить молоко’, (*накI*) *дигьин* ‘процедить (молоко)’ (*хъу, къама*) *ттихIин* ‘сжать (ниву, хлеб)’, (*янна*) *вилаган* ‘сполоснуть (бельё)’, (*уртту*) *дурчIин* ‘выполоть сорняк’, (*янна*) *хъхъицIин* ‘выжаты (бельё)’, (*ххулув*) *буцин* ‘скосить (сено)’, (*бакI*) *зиххин* ‘причесать (голову)’, (*хIаллу*) *буруцин* ‘сплести (косу)’, (*ппал*) *дюххин* ‘вычесать шерсть’, (*оьрчилу*) *ттириххин* ‘вылущить (початок)’, (*кахха*) *дазин* ‘пришить (рукав), приставить’, (*жулар*) *ттиризин* ‘распустить, распороть (носок)’, (*кару*) *дахIин* ‘связать руки’, (*къурхъ*) *ттирихIин* ‘развязать (узел)’, (*ариу*) *ладитан* ‘спрятать (деньги)’, (*иникIма*) *дяръин* ‘размять (тесто)’, (*гъухъа*) *лаххан* ‘надеть платье’, (*усру*) *ликкан* ‘снять обувь’, (*гъивч*) *букан* ‘съесть яблоко’, (*дикI*) *ккухIин* ‘сжевать мясо’, (*дукра*) *дюкъан* ‘проглотить (еду)’, (*ицин*) *хIачIан* ‘выпить воды’ и др.

Модель управления глаголов действия может быть расширена актантами с инструментальным значением, которое чаще всего кодируется пост-эссивом: *каних ччатI бухъан* ‘разломать хлеб руками’, *чIиллух дикI духъан* ‘разрезать мясо ножом’;

б) глаголы, обозначающие **интеллектуальное действие**: (*чагъар*) *чичин* ‘написать (письмо)’, (*лу*) *буккин* ‘прочитать (книгу)’, (*дарс*) *лахъхъин* ‘выучить (урок)’, *ккаккан* ‘посмотреть’.

Значение ментального воздействия на адресата приобретают некоторые аффективные глаголы в сочетании с каузативным компонентом **бан** ‘сделать’: *буккин лажъхъин* ‘научиться читать’ – *буккин лажъхъин бан* ‘научить читать’, *ккаккан* ‘увидеть’ – *ккаккан бан* ‘показать’, *бувчIин* ‘понять’ – *бувчIин бан* ‘объяснить’, *баян* ‘услышать’ – *баян бан* ‘объявить’ и под. При этом дативная конструкция становится эргативной: (1) *Ттун* (дат) *дарс* (ном.) *дурчIунни* ‘я понял урок’ – (2) *Учительнал* (эрг.) *ттун* (дат.) *дарс* (ном.) *дурчIин дурунни* ‘Учитель объяснил мне урок’. В (2) синтаксическая структура глагола осложняется, он становится трёхактантным.

Экспериенциальные, или **аффективные** глаголы традиционно относятся к переходным, однако в дагестанских языках они организуют дативную конструкцию предложения, что существенно отличает их от канонических переходных глаголов. Первый ядерный актанта таких глаголов обозначает лицо (или одушевлённый предмет) в роли воспринимающего субъекта (семантическая роль экспериенцера), а второй актанта – воспринимаемый субъектом предмет (семан-

тическая роль стимула). Экспериенцер кодируется дативом, стимул – номинативом. Непроизводных глаголов модели <кто: датив; что: номинатив> немного: *бувчИин* ‘понять’, *лахъхьин* ‘научиться’, *чИалан* ‘видеть’, *ккаккан* ‘увидеть’, *баян* ‘услышать’, *лякьин* ‘обнаружить’, *ххан* ‘казаться’.

Аффективные, в том числе и ментальные («знать», «понимать») глаголы управляют как именными, так и сентенциальными актантами, выраженными инфинитивными, герундийными и другими оборотами, например: (1) *ОьрчИан* (датив) *занан* (инф.) *лавхъхьунни* ‘Мальчик научился ходить’; (2) *Ина увкIсса* (прич.) *ттун* (датив) *къабавссия* ‘Я не слышал, что ты приехал’; (3) *Ттун* (дат.) *ппу лавгун* (деепр.) *лявкъунни* ‘Я обнаружил, что отец уехал’; (4) *Ттун* ‘датив’ *та ххув хьунсса* (прич.) *ххива* ‘Мне казалось, что он победит’.

В эту семантико-синтаксическую группу в лакском языке входят и предикаты **эмоционального отношения**, которые выражаются устойчивыми глагольно-именными сочетаниями (фразеоглаголами) типа *сси бизан* ‘рассердиться’, *цIими хьун* ‘пожалеть’, *дакI къадиян* ‘не решаться, не хотеть’, *дакI дуккан* ‘разочароваться’, *къащи хьун* ‘испытать досаду, зависть’ и другие. Поскольку в состав предиката инкорпорировано имя в номинативе, объект оформляется другим падежом, который зависит от глагольного компонента сочетания, например: *сси бизан* ‘разозлиться’ (букв. жёлчь + подняться) <кто: датив; на кого: супер-латив >: *ттун танайн сси бивзунни* ‘я на него разозлился’; *цIими хьун* ‘пожалеть’ (букв. жалость+ стать) <кто: датив; кого: суперэссив >: *ттун танай цIими хьунни* ‘я его пожалел (букв. мне на нём жалость стала)’; *дакI дуккан* ‘разочароваться (букв. сердце + выйти)’ <кто: датив; в ком: ин-элатив >: *ттун танава дакI дурккунни* ‘я в нём разочаровался (букв. мне из него сердце вышло)’.

К экспериенциальным предикатам относятся и некоторые неглагольные предикаты, которые спрягаются по лицам. Например, со значение «знать» связан корень *кIул*, от которого образуются прилагательные (*кIулсса*, *кIулмур*), наречия (*кIулну*), личные формы глагола (*кIулли* – 3л., *кIулла* – 1–2 л.). Значения «любить, нравиться» связаны с корнем *ххира*: *ххирасса* (прилаг.), *ххирану* (наречие), *ххирар*, *ххирара* (личные формы глагола). От них образуются и составные глаголы: *кIул хьун* ‘узнать’, *ххира хьун* ‘полюбить’. Фразовые примеры: *Ттун лакку маз кIулли* ‘Я знаю лакский язык’; *Ттун литература ххирар* ‘Я люблю литературу’.

В группу экспериенциальных могут быть включены и **модальные глаголы** *ччан* ‘желать’, *багьан* ‘стать необходимым, выпасть’, *бур/ багьлай бур* ‘надо, приходится’, а также неглагольные предикаты с основой *аьркин-ни* ‘надо’, *бучIи-р* ‘можно’. Модальные предикаты сочетаются с инфинитивом основного глагола, замещающего имя, с которым глагол согласуется в форме 3 класса: *Ттун Гъумукун гьан багьну бур* ‘Мне необходимо поехать в Кумух’. Инфинитив выполняет восполняющую функцию, кроме того и инфинитив, и личная форма имеют одного референта (субъект в дативе), что даёт нам основание считать зависимый инфинитив частью составного сказуемого. Да-

тивная конструкция может иметь два актанта, например, с глаголом *ччан* ‘хотеть’ (*Ттун гьивч ччай бур* ‘Я хочу яблоко’), но с модальными предикатами чаще употребляется инфинитив.

Таким образом, дативная конструкция с модальными предикатами может быть охарактеризована как конструкция с одним ядерным актантом в дативе. В отличие от некоторых других языков, дативная структура предложения формируется перцептивными, ментальными, эмотивными и модальными глаголами с семантикой долженствования.

Среди многоместных глаголов выделяются следующие семантико-синтаксические группы: 1) глаголы обладания (бенефактивные и малефактивные глаголы); 2) глаголы поверхностного воздействия; 3) глаголы звукопроизводства и речи.

Обычно в общую группу **бенефактивных глаголов** включаются и симметричные им малефактивные глаголы. В лакском языке в эту группу входят следующие глаголы *булун/дулун* ‘дать’, *даххан* ‘продать’, *ласун* ‘взять; купить’, *зеххин* ‘отнять’, *дацин* ‘украсть’, *цликкин* ‘выманить’.

Участниками ситуации, выраженной бенефактивными глаголами, являются агент (одушевлённый инициатор действия, контролирующий его), пациент (предмет, переходящий к новому владельцу) и бенефактив, иногда называемый реципиентом, чьи интересы каким-то образом затронуты в процессе её осуществления, получающий от неё пользу или вред.

Глагол *булун* ‘дать’ имеет две модели управления:

- 1) <кто: эрг.; что: ном.; кому: датив I >;
- 2) <кто: эрг.; что: ном.; кому: датив II (посс-латив)>.

В первой модели предмет переходит в полное обладание реципиента: *зузалтран харж булун* ‘дать зарплату работникам’; *оьрчлан ччатI булун*. Этой моделью отмечены устойчивые сочетания неагентивного типа (безличные) со значением «получить свыше»: *Танан гьунар буллуну бур* ‘Ему дан талант’; *Вин мурад буливой* ‘да будет тебе дано счастье’ и под.

Во второй модели реципиент получает предмет во временное пользование: *члаххурахьхун ницру булун* ‘дать (предоставить) соседям волов (для пахоты)’. В ней в номинативе выступают абстрактные имена, при этом значение глагола приближается к значению вспомогательного глагола: *хъаннихьхун ихтияр дулун* ‘дать право женщинам’; *собраниелий махь булун* ‘дать слово на собрании’. Возможны и безагентивные устойчивые сочетания: *зухьхун ссагур дулуннав* ‘да будет дано вам терпение’.

Устойчивые сочетания типа *махь булун* ‘дать слово, обещать’, *щар булун* ‘выдать замуж’, в зависимости от смысла, выбирают ту или иную модель управления: *буттахьхун махь булун* ‘дать слово, обещать отцу’; *душ цала тухумраясса оьрчлан щар булун* ‘выдать дочку парню из своего рода’.

В структуру ситуации *булун* ‘дать’ включаются и другие актанты и сирконтакты, обозначающие условия (*буржирай* (суперэссив) *ариу дулун* ‘дать деньги взаймы’), цель (*уххан* (инфин.) *ихтияр дулун* ‘разрешить войти’) и т.д.

Синтаксическая структура глагола *баххан/даххан* ‘продать’ соответствует первой из указанных выше моделей управления и может включать сир-коstant с указанием на цену: <кто: эрг.; что: ном., кому: дат.; по какой цене: датив >: *танал кьювкью багълун чу цIахъарачувнан бавххунни* ‘он по дешёвке (по дешёвой цене) продал лошадь цудахарцу’.

В малефактивных глаголах меняются семантические роли: приобретатель выгоды выступает в роли агенса, в роли «отрицательно затронутого участника» – малефактив в форме посс-элатива (показатель -ща). К малефактивным относятся глаголы *ласун* ‘взять, купить’, *зеххин* ‘отнять’, *цIиккин* ‘выманивать’, *дацин* ‘украсть’. Глаголы дифференцируются семьей «способ получения предмета агенсом». Все малефактивные глаголы соответствуют модели <кто: эрг.; что: ном.; у кого: посс-элатив >.

Глагол *ласун* является многозначным. Здесь рассматривается значение ‘купить’ (*машан ласун*): *бархъарачунаща кьюкью машан ласав* ‘у балхарца купил кувшинчик’. С данным глаголом чаще указывается место приобретения, а не лицо, у которого предмет приобретён: *базаллува ласун* ‘купить на рынке’, *ттучандалия ласун* ‘купить в магазине’.

Глагол *зеххин* ‘отнять, отобрать’ обозначает ту же ситуацию, но с применением силы со стороны агенса и без компенсации обладателю: *заллухъруннаща хъуру зеххин* ‘отобрать землю у собственников’; *ниттил оьрчIаща чIила зерххунни* ‘мать отобрала нож у сына’; *кулактураща ихтиярдуду зеххин* ‘отнять права у кулаков’.

Глагол *цIиккин* предполагает отнятие предмета путём уговоров, обмана, хитрости: *БувчIул танища ариу цIрккуну дур* ‘Гадалка выманила у неё деньги’.

Глагол *бацин /дацин* ‘украсть’ предполагает лишение собственности без ведома хозяина и без компенсации. Управление этого глагола отличается от других малефактивных глаголов. В литературном языке сочетание генитив обозначает владельца, а в южных диалектах потерпевший владелец кодируется пост-элативом (-ха): *Тайннал жул ятту бавцунни* ‘Они украли наших овец’ – *Тайннал жуха ятту бавцунни* (кул. диал.).

Среди трёхместных глаголов особую группу составляют глаголы, которые мы условно называем **контактными**. М.Е. Алексеев определял их как транзитивные глаголы, имеющие особенности оформления прямого дополнения, указывая, что «именной член, оформляемый в русском языке аккузативом, получает в нахско-дагестанских языках дативное или локативное оформление, в то время как в абсолютиве выступает инструментальное дополнение» [Алексеев 1980: 184]. Такая структура предложения характерна для глаголов, выражающих воздействие на поверхность предмета. В лакском языке к ним относятся глаголы *щун* ‘толкнуть, пнуть’, *рищун* ‘ударить’, *дугъан* ‘смазать’, *дуккан* ‘покрыть (сверху)’. При этих глаголах номинативом кодируется инструмент или средство, а предмет, поверхность которого подвергается воздействию, кодируется одним из локативов. Отметим следующие модели управления: 1) <кто: эрг.; что: супер-транслатив; чем: ном. >: *ттуккуйх ттархъ рищун* ‘ударить осла пал-

кой»; *уссайх мазь дуккан* ‘смазать обувь мазью’; *варакъуйх къалай дуккан* ‘покрыть кувшин полудой’; 2) <кто: эрг.; что: супер-латив; чем: ном. >: *ккаччийн ччан шун* ‘пнуть собаку ногой (букв. на собаку ногу пнуть)’.

Производные контактные глаголы с компонентом *учин/тлун* по этой модели образуют квазиэргативные конструкции (без имени в номинативе, который инкорпорирован в состав глагола). К ним относятся глаголы *къацI учин* ‘укусить’, *птай учин* ‘поцеловать’ и подобные. Квазиэргативный вариант данной модели может быть представлен так: <кто: эрг.; кого/что: супер-латив>: *ччатлуйн къацI учин* ‘откусить хлеб’; *оьрчIайн птай учин* ‘поцеловать мальчика’, *щинайн ххув учин* ‘отпить воды’.

Конструкции с глаголами поверхностного контакта остаются формально эргативными, хотя в роли прямой объект выражен косвенным падежом: он в первом случае выступает как инструмент, непосредственно воздействующий на объект (*ччан шун* ‘пнуть’), или как звуко-символическая именная основа глагольной номинации.

К переходным глаголам с тремя валентностями относятся и глаголы, которые мы условно называем **глаголами речи**.

Особую группу в лакском языке составляют глаголы «говорения, звукопроизводства», которые пересекаются, с одной стороны, с глаголами восприятия, эмоций, а с другой – с глаголами интеллектуальной деятельности (ментальными глаголами).

А.Е. Кибрик и С.В. Кодзасов выделили тематическую группу «Говорение. Звукопроизводство», в которую вошли и глаголы, воспроизводящие голоса животных, звучание разнообразных предметов типа «свистеть», «рычать», «грохотать», «журчать», «скрипеть» и под. [Кибрик, Кодзасов 1988: 147–155]. В ряде дагестанских языков глаголы звучания образуются при помощи глагола «сказать». В лакском языке таким глаголом является глагол *учин / тлун* ‘сказать/говорить’: *щютIа тлун* ‘свистеть’, *гьургьу тлун* ‘рычать’, *ххурхху тлун* ‘грохотать’, *жюржу тлун* ‘журчать’, *зертIа тлун* ‘скрипеть’ и т.д. Исследователи отмечают, что ряд глаголов, относящихся в номинативных языках к разряду непереходных, в нахско-дагестанских языках, оформляясь по модели «именная часть + вспомогательный переходный глагол», получают противоположную с точки зрения корреляции квалификацию по переходности / непереходности [Климов, Алексеев 1980: 180]. В лакском языке большинство глаголов модели «звукоподражательная часть + вспомогательный глагол *учин / тлун* ‘сказать’» являются семантически непереходными, но формально переходными, поскольку образуют конструкцию, подобную эргативной: *ОьрчIал (эрг.) щютI увкунни* ‘Мальчик свистнул (букв. ‘Мальчик свист сказал’).

Учитывая эту особенность глагольного словообразования, к разряду трёхвалентных глаголов мы относим глаголы «говорения», но не «звучания», то есть те глаголы, которые обозначают интеллектуальную деятельность человека. Производных глаголов в этой группе немного. Кроме глаголов *учин* ‘сказать’ / *тлун* ‘говорить’, в эту группу входят глаголы *бусан* ‘рассказать’ и *цIуххин* ‘спросить’.

В синтаксической структуре всех трёх глаголов наиболее стабильной и показательной является падеж адресата, роль которого выполняет эссив по-сесивной серии с аффиксом *-хь*: *цIаххуврахь барчаллагь учин* ‘поблагодарить соседей (букв.: соседям «прощайте» сказать)»; *оьрцIахь магьа бусан* ‘детям сказку рассказать’; *ниттихь цIуххин* ‘спросить у матери’.

Падеж адресата (посс-эссив) в лакской грамматике включён в состав грамматических падежей и получил название «бусаврил падеж» («падеж сказывания»). При этом каждый из глаголов речи имеет свои особенности употребления.

Глагол *учин/тIун* служит для включения чужой речи (или собственной внутренней речи) в авторское повествование. Таким образом, в общей модели управления глаголов речи <кто: эрг.; что: ном.; кому: посс-эссив> тема, то есть содержание передаваемой информации представляет собой синтаксические конструкции разного типа. Например, прямую речь К.И. Казенин рассматривает как придаточное изъяснительное: *Ккаччи хьинсса буссия, – увкуна Барзулавл* ‘Собака была хорошая, – сказал Барзулав’ [Казенин 2013: 198]. Способы передачи чужой речи в лакском языке недостаточно изучены и требуют специального исследования, мы только отметим, что позицию темы при глаголах речи чаще всего занимает сентенциальный актанта. Основным глаголом при оформлении цитат является глагол *учин/тIун* в разных грамматических формах. Он как бы выполняет особую синтаксическую функцию цитации.

В качестве собственно глагола речи (сообщения, формулы речевого этикета) этот глагол употребляется в сочетании с существительными или словами, употреблёнными в значении существительных: *балай учин* ‘спеть песню’, *аквар учин* ‘воззвать на намаз’, *бисмиллагь учин* ‘начать что-либо именем бога’, *барчаллагь учин* ‘попроситься; поблагодарить’, *бивзрув-бурув учин* ‘здороваться (слова при встрече)’ и пр.

Глагол *бусан* ‘рассказать, сообщить; сказать; передать (на словах)’ является одним из основных глаголов речи. Позицию темы может занимать существительное со значением «сообщаемое»: *магьа бусан* ‘рассказать сказку’, *хавар бусан* ‘рассказать новость; сообщить’, *щялмахь бусан* ‘сказать ложь; обмануть’, *махь бусан* ‘сказать что-л., воздействовать на кого-л., предупредить кого-л.’ и под.). Но чаще глагол вводит сентенциальный актанта – повествовательное предложение, оформленное герундийной или вариативно причастной конструкцией: *Танал ттухь бувсунни цува Московлив нанишиву / нанисса* ‘Он сказал мне, что едет в Москву’.

Глагол *цIуххин* ‘спросить’ с существительными встречается реже (*дарс цIуххин* ‘спросить урок’), в сочетании с существительными отмечены устойчивые сочетания *зума цIуххин* ‘учинить допрос’. В соответствии со своей семантикой («получить сведения от собеседника») глагол вводит в авторское повествование прямую речь – вопросительное предложение. Вопросительные предложения с общим и частным вопросом в лакском языке различаются формами сказуемого. При общем вопросе глагол употреблён в вопросительном наклоне-

нии: *Вин жул оьл ккавкрив?* ‘Ты видел нашу корову?’ При частном вопросе вопросительное наклонение не употребляется: *Вин жул оьл чув ккаври?* ‘Где ты видел нашу корову?’ Эти особенности сохраняются и при вводе прямой речи в речь автора, конструкции соединяются цитатными словами *куну* ‘сказав’/*тлуй* ‘говоря’, превращающими конструкцию с прямой речью в деепричастный оборот. Ср. (1) *На танахь цлуххав, вин жул оьл ккавкрив* куну ‘Я его спросил, видел он нашу корову’ (общевопросительное предложение) – (2) *На танахь цлуххав, вин жул оьл чув ккаври* куну. ‘Я спросил его, где он видел нашу корову’ (частно-вопросительное предложение).

При глаголах *бусан* и *цлуххин* тема сообщения или вопрос может оформляться именем в супер-элативе (аблативе): *цала шяраваллия* (супер-элатив) *бусан* ‘рассказать о своём селе’; *хлалтлухъаннахь цала гъанминная цлуххин* ‘спросить у (приезжего) отходника о своих близких’.

Хотя производных глаголов речи мало, но эта группа восполняется составными глаголами – глагольно-именными сочетаниями, вторым компонентом которых является вспомогательный глагол *бан* ‘сделать’. В синтаксическую модель таких сочетаний входят имена участников – адресатов речи и объектов речевого воздействия в разных падежах. Отметим некоторые из таких моделей управления речевых предикатов, выраженных сочетаниями абстрактных имён со значением речевого действия с вспомогательным глаголом *бан*. В модель включается только именной актанта, большинство приведённых предикатов могут быть распространены и сетенциальными актантами, выражающими содержание речи (конструкциями с прямой и косвенной речью, инфинитивными конструкциями). Другие вспомогательные глаголы встречаются реже.

1. Модели <кто: эрг.; кому: посс-эссив> соответствуют следующие номинации: 1) *миннат бан* ‘попросить (просьба + сделать)’ – *буттахь миннат бан* ‘попросить отца’; 2) *жижара бан* ‘выразить соболезнование’ – *кулпатрахь жижара бан* ‘выразить соболезнование семье’; 3) *тавакью бан* ‘потребовать’ – *судрахь тавакью бан* ‘потребовать от суда’; 4) *щурицу бан* ‘прошептать (шёпот + сделать)’ – *ниттил ттухь щурицу бувна...* ‘мать мне прошептала...’

2. Модели <кто: эрг.; кому: супер-латив> соответствуют следующие номинации: 1) *амру бан* ‘приказать’ – *саллатлнайн амру бан* ‘приказать солдату’; 2) *буюр бан* ‘велеть, приказать’ – *лагънайн буюр бан* ‘велеть рабу’; 3) *нааьна дан* ‘проклясть (проклятие+ сделать)’ – *лавмартнайн нааьна дан* ‘проклясть изменника’.

В эту группу входит и сложный глагол *овьчин* ‘позвать; окликнуть; пригласить; призвать’ – *ниттийн (завучначлан) овьчин* ‘вызвать мать (к завучу)’

3. Модели <кто:эрг.; кого: суперэссив> соответствуют следующие номинации: 1) *аьй дан* ‘обвинить, упрекнуть (вина + сделать)’ – *арснай аьй дан* ‘упрекнуть сына’; 2) *бювкью бан* ‘упрекнуть’ – *хлухчий бювкью бан* ‘упрекнуть пастуха’.

Эта модель управления соответствует и сочетанию *дюъ дшиин* ‘предупредить’ (наставление + *дшиин* ‘наложить’) – *Ниттил дшуний дюъ дирхьуна, чунчIав мабуккара куну*. ‘Мать предупредила дочь, чтобы никуда не выходила’.

4. Модели управления <кто:эрг.; кому:посс-эссив/супер-латив; о ком/о чём: супер-элатив > соответствуют номинации: 1) *аьрза бан* ‘пожаловаться’ – *Мусал хьуниминнахь / хьуниминнайн чIаххураяту аьрза бувуна* ‘Муса пожаловался начальству о соседях’; 2) *шикаят бан* ‘пожаловаться, сетовать’ – *ПатIиматлул ттухь ласная шикаят бувунни, хIачIлай ур тIий* ‘Патимат жаловалась на мужа, говоря, что пьёт’; 3) *цIа дан* ‘похвалить (имя+сделать)’ – *Собраниелий директорнал вияту цIа дурунни* ‘На собрании директор похвалил тебя’.

5. Модели <кто: эрг./ном.; кого: пост-элатив > соответствуют глаголы *зайлан* ‘проклинать, произноит злые пожелания’, *зукьлан* ‘благодарить, произносить добрые пожелания’ и соотносительные с ними сочетания *зай учин, зукьлу бан* (перф. вид): *Танил ттуха зай увкунни* ‘Она мне зла пожелала’; *Танил ттуха зукьлу бувунни* ‘Она мне добра пожелала’.

6. Модель <кто: эрг./ном.; кого: пост-латив > соответствует глаголу *дяьван* ‘ругать’ и соотносительному сочетанию *дяьви бан* ‘поругать’: *Аму ттухун дяьвай дур* ‘Бабушка меня ругает’ – *Амул ттухун дяьви бувунни* ‘Бабушка поругала меня’.

В зависимости от вида глаголы речи образуют эргативные (в перфекте и итеративе) или биноминативные (в дуративе) конструкции.

Глаголы *гьалгьа тIун* ‘говорить; разговаривать’, *гьалгьа бан* ‘поговорить’, *ихтилат бан* ‘побеседовать’ могут обозначать взаимные действия. В таком случае в модели управления падеж адресата *посс-эссив* заменяется комитативом: < кто: эрг.; с кем: комитатив; о чём: супер-элатив>: *Буттал арснашал дуккаврия ихтилат бувунни* ‘Отец поговорил с сыном об учёбе’.

Глаголы речи также образуют эргативную конструкцию, однако в роли темы выступают чаще сетенциальные актаны.

В данной главе были также представлены основные семантисинтаксические разряды глаголов и, по возможности, – модели их управления. Анализ показал, что формальное деление глаголов на переходные и непереходные не всегда соответствует семантике, которая играет главную роль в определении синтаксических отношений.

Дагестанские языки названы эргативными по форме падежа субъекта переходных глаголов. Однако эти языки, как считает А.Е.Кибрик, являются семантически ориентированными языками, в них присутствуют и другие конструкции, кроме номинативной и эргативной [Кибрик 2003: 155]. Оформление главного члена зависит не только от семантики предиката, но и от других факторов, например, от вида глагола, от дейксиса главных аргументов и других условий. Так, наличие локуторов в роли агенса формирует биноминативную конструкцию переходных глаголов, при глаголах дуративного вида личный / одушевлённый агенс кодируется, как правило, номинативом, образуя

биноминативную конструкцию переходного глагола. Дативная конструкция в лакском языке объединяет глаголы разной семантики – перцептивные, эмоциональные, ментальные, модальные. Анализ значений генитива даёт основание выделить генитивную конструкцию (см. ниже анализ падежных значений). Некоторые предикаты формируют и другие семантико-синтаксические разновидности синтаксических конструкций.

Далее детально анализируются особенности семантической деривации глаголов движения, в частности глаголы *нан* ‘идти’ <кто/что: номинатив>, *бучлан* ‘прийти’ и *гьан/лаган* ‘уйти’, *буцин* ‘привести’ <кто: эргатив, кого/что: номинатив>, *биян* ‘дойти’, *букьян* ‘отойти’, *буххан* ‘войти’ – *буккан* ‘выйти’, *лахьян* ‘подняться’ – *бучлан* ‘спуститься’, *багьян* ‘упасть’, *бутан* ‘сбросить’ – *бичин* (мн.ч.), *бизан* ‘подняться, встать’, *бачин* ‘пойти’ – *бацлан* ‘остановиться’.

В глаголах движения находят воплощение общие для глаголов лакского языка категории: морфолого-синтаксическая категория грамматического класса, категория вида и семантико-синтаксическая категория переходности-непереходности. Не все глагольные лексемы и глагольные формы имеют в своём составе КП.

В лакском языке значительное место в глагольном словообразовании (в способах номинации в сфере глагольной лексики) занимают такие сочетания, цельные семантически, но не обладающие другими свойствами слова (цельноофомленностью, непроницаемостью и т.д.). Многие из таких образований являются семантически непереходными, но переходными синтаксически. Они и образуют «квазиэргативные» конструкции.

В целом, семантическая группа глаголов движения относится к непереходным глаголам. Коррелятивных пар, отличающихся только признаком переходности-непереходности, среди глаголов мало. От всех непереходных глаголов движения образуются переходные при помощи вспомогательного глагола *бан* (*буван*) ‘сделать’. Переходность-непереходность связана и с наличием диффузных (лабильных) глаголов, и семантической деривацией, при которой непереходный глагол может приобрести и переходное значение, и с разграничением многозначности и омонимии.

Глаголам движения в значительной степени свойственна семантическая деривация, при которой актуализируется та или иная сема и в глагольной конструкции обязательным становится актанта, соответствующий актуализируемой семе.

В третьей главе «Категория падежа и кодирование глагольных актантов» описана многопадежная система лакского языка, которая взаимодействует с семантикой глагола и принимает непосредственное участие в образовании структурно-семантических типов предложения.

Ядерные падежи номинатив, эргатив, датив, генитив в сочетании с производными (базовыми) глаголами составляют ядро соответствующих конструкций, кодируя семантические роли ядерных актантов.

К ядерным падежам, кодирующим главных участников ситуации, которые традиционно называются субъектом и прямым объектом, относятся *номинатив*, *эргатив*, *датель I* и *генитив*. В число ядерных падежей может быть включён и *посс-элатив* (*аблатив*, *поссибилатив*), который выступает в роли субъекта при модальных глаголах *бюхъан / хьун* 'мочь'.

Среди грамматических падежей на роль ядерных падежей в лакском языке, кроме *номинатива* и *эргатива*, претендуют ещё три падежа – *генитив*, *датель* и *аблатив*, кодирующие синтаксическую роль подлежащего (субъекта) в элементарном предложении.

В лакском языке, на наш взгляд, существует ещё одна серия местных падежей, объединяющая существительные, пространственные наречия и послелого, не включенные в систему местных падежей. Эссив этой серии образован от прямой основы непосредственно или с огласовкой при помощи аффикса *-в*, который этимологически возводится к классному показателю 1-го грамматического класса: Следовательно, можно констатировать наличие в лакском языке и 8-ой серии пространственных падежей, которая объединяет слова разных частей речи (существительных, наречий, послелогов) в одну морфологическую категорию с обобщённым значением локализации и общими формально-грамматическими признаками.

Следует отметить, что падежное словоизменение в лакском языке, как и в других дагестанских языках, свойственно не только именам, но и другим классам слов, в частности послелогам, пространственным наречиям, конвербам с пространственными значениями.

Главным, основным падежом всей падежной системы лакского языка следует признать *номинатив*: 1) он является основным средством номинации предметных имён; 2) у него нет формального показателя (нулевой падежный аффикс); 3) он является контролёром личного и классного согласования в составе элементарного предложения (клаузы).

Второй по значимости падеж – *эргатив / генитив* с аффиксом *-л*. Третий самостоятельный, не сериальный падеж – *датель*, показатель падежа *-н*. Остальные падежи являются сериальными. Некоторые падежи по своему образованию не входят в состав ядерных субъектно-объектных падежей, они не входят и в состав сериальных падежей. Они образованы как бы путём сложения аффиксов разных падежей или других частей речи. К таким падежам могут быть отнесены следующие падежи: 1) *комитатив*, 2) *пермутатив*, 3) *инструменталь*, 4) *компаратив*, 5) *вокатив*.

Таким образом, в лакском языке можно отметить наличие 45 падежных форм. Центральное место в системе склонения лакского языка занимает номинатив (именительный падеж), на базе которого образуются все остальные падежи.

Номинатив и в синтаксисе занимает центральное место, определяется как ядерный падеж и претендует на роль подлежащего элементарного (простого) предложения. Такое положение обусловлено тем, что именной член в номинативе является контролёром классного согласования всех членов предложения, изменяющихся по классам.

В заключении обобщены результаты комплексного исследования семантики и синтаксиса лакского глагола, констатируется, что глагол, занимая центральное место в системе исследуемого языка, с одной стороны, отражает в своем значении все сферы семантического пространства языка, с другой стороны, формально выражает фрагмент модели поверхностного синтаксиса естественного языка. Синтаксические конструкции лакского глагола рассматриваются во взаимодействии с семантикой, выявлены семантико-синтаксических разряды глагола и представлены модели управления глаголов.

Учитывая, что формообразование и словообразование глаголов характеризуется наличием аналитических структур, одной из задач исследования считалась необходимость разграничения разных типов аналитических структур. Особое внимание уделялось таким недостаточно изученным категориям, как категория фазовости, эвиденциальности и залога. Эти категории участвуют во взаимодействии с категориями вида, вида с лексико-грамматической категорией переходности-непереходности.

Наличие в языке сложных и составных глаголов, компонентами которых выступают имена и звукоподражательные комплексы в сочетании с переходными глаголами (типа *кумаг бан* «помочь», *тланк1 учин* «прыгнуть»), детерминирует противоречия между семантикой и синтаксисом: непереходные по семантике глаголы образуют эргативные конструкции. В связи с такими особенностями в номинативной системе глагола обращается особое внимание на составные глаголы и их семантику.

В лакском языке сравнительно немного корневых глаголов конкретной семантики, поэтому значительное место в создании словесной картины мира занимают архилексемы, глаголы с обобщённой семантикой, значение которых конкретизирует контекст и фоновые знания носителей языка, например, *къатри дан* «построить дом», *дукра дан* «приготовить еду», *усру дан* «произвести обувь», *оьрч1 бан* «родить ребёнка» и т.д. Учитывая такие особенности языка, в работе подробный семантико-синтаксический анализ таких архилексем («быть», «стать», «сделать»). Также подробно описывается и глагол речи *учин/т1ун* «сказать/говорить», который играет значительную роль в глагольном словообразовании не только лакского, но и других дагестанских языков.

Рассматривая лексико-семантические разряды непрямых глаголов, в работе внимание обращается на системные отношения внутри глаголов. Противопоставление глаголов *нан* «идти» и *занан* «ходить» по признаку векторности используется при противопоставлении по этому признаку других глаголов движения и перемещения: *лехлан* «летать» – *левххун нан* «лететь». Противопоставление по направленности движения между глаголами *гьан/лаган* «уйти» – *буч1ан* «прийти», в условиях отсутствия в языке превербов или приставок, используется для противопоставления по этому признаку и других глаголов движения: *левххун гьан* «улететь» – *левххун буч1ан* «прилететь». Также отмечается, что в языке мало глаголов, противопоставленных по

признаку переходности – непереходности своими корнями, типа *багъан* «упасть» – *бутан* «уронить». Однако присутствует ряд диффузных переходно-непереходных глаголов, значение которых выявляется в контексте, а также в составе многозначных глаголов в одних значениях глагол может быть переходным, а в других – непереходным (*зунттуйн лахъан* «взобратся на гору» – *зунтту лахъан* «преодолеть гору»). Но в целом переходные глаголы образуются от непереходных путём каузативной деривации при помощи вспомогательного глагола *бан* «сделать»: *гъан* «пойти» – *гъан бан* «послать». А в составных глаголах такое противопоставление осуществляется антонимичными по этому признаку вспомогательными глаголами *хъун* «стать» и *бан* «сделать»: *мацI хъун* «очиститься» – *мацI бан* «очистить».

Развитие полисемии демонстрируется на анализе глаголов движения, наиболее богато представленных в лакском языке.

Описание синтаксических конструкций глагола предваряется анализом падежной системы лакского языка, поскольку семантика глагола и семантика сочетающегося с ним падежной формы теснейшим образом взаимосвязаны. Значения падежей рассматриваются вместе с конструкциями, названными по падежу главного ядерного актанта. В зависимости от семантики и синтаксиса таких конструкций, кроме известных во всех дагестанских языках номинативной, эргативной и дативной, мы указываем также на две семантические разновидности генитивной конструкции и POSSIBILITY-конструкцию (аблативную) конструкцию.

Можно отметить ограниченность значений эргативного и номинативного падежей. Эргатив замещается номинативом при глаголах *дура* дуративного вида (*Ниттил оьл ттивзунни* «Мать подоила корову» – *Нину оьл ттизлай дур* «Мать доит корову»). Значение эргатива в конструкциях типа *Магъи мурчал ларсунни* «Крышу снесло ветром» или *лу канил бугъан* «взять в руки (рукой) могут рассматриваться соответственно как орудийное (причинное) и инструментальное.

Датив и генитив имеют и другие значения, которые подробно рассматриваются в работе.

Грамматические значения отмечены не только у падежей серии посессива (адресата, малефактива, комитатива), но и у падежей локативных серий. При этом можно отметить, что падежи серии контэссива почти не употребляются в локативных значениях (*-цIа, -цIун, -цIух*), приобретая грамматические значения при глаголах и конструкциях, содержащих сочетающиеся с их значениями семы (*хъуслицIа хъун* «остаться без имущества», *гъухъуй банд лачIун* «пришить пуговицу на платье», *тIаннуцIух цIу* дишин затопить дровами) и под. Грамматические значения приобрели и падежи серии постэссива и суперэссива.

Общим результатом исследования семантики и синтаксиса глагольных конструкций лакского языка является вывод о тесной связи глагольной лексики и падежной семантики. Подтверждается мнение исследователей дагестанских языков о том, что эти языки являются семантически эргативными языками. При

этом можно утверждать, что язык не ограничивается только этими конструкциями. Сфера физического действия укладывается в два вида конструкции – номинативный и эргативный виды, но сфера восприятия, ментальных и эмоциональных состояний не ограничена только дативной конструкцией, в ней отмечена и генитивная, и аблативная конструкции, возможно, в зависимости от установки исследователя, могут быть обнаружены и другие типы.

В заключении формулируются теоретические выводы и обобщены результаты комплексного исследования семантики и синтаксиса лакского глагола и глагольных конструкций. Отмечается, что полученные результаты будут способствовать дальнейшему исследованию глагольной системы дагестанских языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ

1. Какваева С.Б. Структурно-морфологический анализ причастий лакского языка в сопоставлении с русским языком // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 117–120.

2. Какваева С.Б. Типологический анализ субстантивных словосочетаний с зависимыми наречиями в английском, русском и лакском языках. «Общественные науки, социальное развитие и современность» (II международная научная конференция) // European Social Science Journal. – М., 2013. – № 3 (31). – С. 226–230.

3. Какваева С.Б. Субстантивные словосочетания с зависимыми прилагательными в лакском и русском языках // Известия ДГПУ. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (19). – С. 92–96.

4. Какваева С.Б., Алипулатова Н.С. Словосочетания с зависимым именем существительным в винительном падеже и их соответствия в лакском, русском и английском языках // Известия ДГПУ. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 68–72.

5. Какваева С.Б. Субстантивные словосочетания с приимённым генитивом в лакском и русском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1(6). – С. 65–67.

6. Какваева С.Б. Именные предложно-падежные словосочетания русского языка и их соответствия в лакском // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 123–126.

7. Какваева С.Б. Категория фазовости в лакском языке //Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2019. – №12 – С. 162–165.
8. Какваева С.Б. Семантика и синтаксис глаголов с компонентами Учин ‘Сказать’ – Т1ун ‘Говорить’ в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 6. – С. 117–120.
9. Какваева С.Б. Классно-числовое согласование в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 128–131.
10. Какваева С.Б. Падежная система и вопросы терминологии в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики» Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 8–2. – С. 59–62.
11. Какваева С.Б. Семантика и синтаксис номинатива в конструкциях с непереходными одноместными глаголами в лакском языке // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 363–365.
12. Какваева С.Б. Состояние, процесс и действие в лакском языке (на материале семантических примитивов «быть», «стать», «сделать») // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 365–368.
13. Какваева С.Б. Аналитические формы категории эвиденциальности в лакском языке // Казанская наука. – 2020. – № 1. – С. 103–106.
14. Какваева С.Б. Общая характеристика непроизводных глаголов движения в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 137–143.
15. Какваева С.Б. Залог и залоговость в лакском языке // Казанская наука. – 2020. – № 7. – С. 75–79.
16. Какваева С.Б. Актантная деривация в лакском языке // Казанская наука. – 2020. – № 7. – С. 79–83.
17. Какваева С.Б. Характеристика глагола хьун ‘случиться’, ‘возникнуть’, ‘стать’ в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 159–161.
18. Какваева С.Б. Полифункциональность показателей личного спряжения в лакском языке // Казанская наука. – 2020. – № 8. – С. 61–64.
19. Какваева С. Б. Предикаты состояния в лакском языке // Казанская наука. – 2020. – № 8. – С. 58–61.
20. Какваева С.Б. Особенности личного спряжения глагола в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 156–158.
21. Какваева С.Б. Из истории изучения лакского глагола // Казанская наука. – 2020. – № 9. – С. 95–98.
22. Какваева С.Б. Семантика и синтаксис номинатива в лакском языке (в посессивной конструкции, в конструкциях, обозначающих болезненные состояния в дативной конструкции // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 363–365.

II. Научные публикации в зарубежных изданиях

1. Kakvaeva S. Aspectual-temporal analytical forms in the Lak language // Regional socio-humanitarian researches: history and contemporaneity: materials of the IX international scientific conference on January 25–26, 2020. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – P. 20–23.

2. Kakvaeva S. Constructions with modal verbs CHCHAN, AND KHAN // Norwegian Journal of development of the International Science. Norwegia – 2020. – Vol. 44. – P. 58–59.

3. Kakvaeva, S. The problem of word identity in the Lak language // Regional socio-humanitarian researches: history and contemporaneity: materials of the IX international scientific conference on January 25–26, 2020. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – P. 15–17.

4. Какваева, С. Словосочетания русского языка с предложным падежом и их соответствия в лакском языке // Иностранный язык в системе высшего и профессионального образования: материалы IV международной научно-практической конференции. – Прага, 2013. – № 42. – С. 37.

III. Научные монографии

1. Глагольные словосочетания и смежные конструкции в лакском языке. – Махачкала: Изд-во ИП Тагиев Р.Х., 2020. – 138 с.

IV. Другие научные статьи и материалы конференций

1. Какваева С.Б. Категория вида в глаголах движения в лакском языке // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 2. – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2019. – С. 139–142.

2. Какваева С.Б. Категория грамматического класса в глаголах движения в лакском языке // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. В 3-х ч. Ч. 2. – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2019. – С. 142–145.

3. Какваева, С.Б. Сематические разновидности глаголов движения в лакском языке // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Таганрог: Аэтерна, 2019. – С. 125–127.

4. Какваева С.Б. Номинатив при одноместных глаголах в лакском языке // Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 37–39.

5. Какваева С.Б. Номинатив и проблема подлежащего в дагестанских языках // Научно-технический прогресс как механизм развития современного

общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 39–41.

6. Какваева С.Б. Грамматические падежи в лакском языке // Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 41–44.

7. Какваева С.Б. Проблема серии интноэссива и внесистемные падежи в лакском языке // Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 44–47.

8. Какваева С.Б. Класс как словоизменяющаяся категория // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Изд-во АМИ, 2019. – С. 110–112.

9. Какваева С.Б. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами Учин – Т1ун в составе словосочетания и предложения // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Изд-во АМИ, 2019. – С. 26–28.

10. Какваева С.Б. Общая характеристика глаголов Учин – Т1ун в лакском языке // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Изд-во АМИ, 2019. – С. 28–30.

11. Какваева С.Б. Ядерные падежи в лакском языке // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Изд-во АМИ, 2019. – С. 30–33.

12. Какваева С.Б. Класс как словоклассифицирующая категория // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Изд-во АМИ, 2019. – С. 33–35.

13. Какваева С.Б. Аналитизм в словообразовании глаголов в лакском языке // Инновационный потенциал развития науки в современном мире. сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. В 3-х ч. Ч. 2. – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2020. – С. 142–145.

14. Какваева С.Б. Общие проблемы теории слова в лакском языке: слово, словоформа и словосочетание // Вестник Науки и Творчества: материалы Международных мероприятий Общества Науки и Творчества. – Казань, 2020. – № 7. – С. 5–10.

15. Какваева С.Б. Семантика прототипического глагола состояния бик1ан‘быть’ // Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск: Новая наука, 2020. – С. 56–60.

16. Какваева С.Б. Категория класса и формобразование глагола // *Advances in Science and Technology*: сборник статей XXX Международной научно-практической конференции. – М.: Актуальность.РФ, 2020. – С. 133–135.
17. Какваева С.Б. К вопросу об аффиксально-производных глаголах в лакском языке // *Advances in Science and Technology*: сборник статей XXX Международной научно-практической конференции. – М.: Актуальность.РФ, 2020. – С. 131–133.
18. Какваева С.Б. Глагольная лексика: типы глагольных номинаций в лакском языке // *XXVII International scientific conference*: сборник научных трудов. – Анапа: Иннова, 2020. – С. 37–41.
19. Какваева С.Б. Глагол как часть речи в лакском языке // *Eurasia Science*: сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции. – М.: Актуальность. РФ, 2020. – С. 169–171.
20. Какваева С.Б. Составные глаголы в лакском языке с компонентом бан ‘сделать’ // *Актуальные вопросы современной науки*. – 2020. – № 3/4. – С. 34–38.
21. Какваева С.Б. Семантические группы аффективных предикатов в лакском языке // *Международный журнал «Цифровая наука»* – Саратов, 2020. – № 8. – С. 23–29.
22. Какваева С.Б. Семантика номинатива в посессивной конструкции и в дативной конструкции предложения в лакском языке // *Наука, образование, инновации: сборник научных трудов XXI Международной научно-практической конференции*. – Анапа: Иннова, 2020. – С. 17–21.
23. Какваева С.Б. Субстантивные словосочетания с зависимыми прилагательными, местоимениями, числительными, причастиями и наречиями в русском и лакском языках // *Социосфера*. – 2012. – № 4. – С. 27–28.
24. Какваева С.Б. Словосочетание как единица сопоставления и классификация именных словосочетаний в лакском и русском языках // *(Socialscience) Общественные науки. Всероссийский научный журнал*. – М.: Наука, 2011. – № 9. – С. 60–69.
25. Какваева С.Б. Словосочетания русского языка с зависимым существительным в творительном падеже и их соответствия в лакском // *Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы II международной научно-практической конференции*. – Пенза, 2012. – С. 48–50.

В печать 11.03.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 2.50 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 170.

Отпечатан ИП «Binding2016»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68.